Липецко-Елецкая епархия

Задонский паломник

№ 46 2005 г. По благословению епископа Липецкого и Елецкого Никона

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

В НОМЕРЕ:

ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ С БОГОМ
Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона

НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО
«О воплощении Сына Божия»

ПОЧЕМУ МОЛИТВА БЫВАЕТ БЕЗПЛОДНА...

О РАССУЖДЕНИИ

ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ
Из воспоминаний о схиархимандрите Виталии

ХРИСТИАНАМ О ХРИСТИАНСТВЕ
Из бесед с Кавказским пустынником «Любить Бога никакие дела не мешают»

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ЛИПЕЦКИЙ БЛАЖЕННЫЙ

НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ
Заповеди блаженства

ЗНАМЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ ВОЗРОЖДАЕТСЯ
«Указом императора Александра I»

СХИИГУМЕН МИТРОФАН
Из воспоминаний духовных чад

О ДЕТСКОЙ ГРУБОСТИ

КРЕСТИК
Воспоминания диакона Николая Трубчанинова

ХРИСТИАНСКАЯ ПОЭЗИЯ

и другое...

Вечная жизнь с Богом

Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона.

Храм в честь Елецкой иконы Божией Матери, г. Елец, 7 мая 2005 г.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Поздравляю вас, дорогие братие и сестры, с Пасхой, Светлым Христовым Воскресением! Милостью Божией мы в благополучии встретили праздников праздник — без войн и кровопролитий.

Прошла Светлая седмица, опять начинаются будничные дни. Снова мы трудимся, приобретаем добродетели, стремимся совершать добрые дела, стараемся нести свой жизненный крест на свою личную Голгофу. А на Голгофе мы будем распятыми на этом кресте, умрем и вместе с Господом воскреснем. Каждый человек рождается, чтобы умереть и воскреснуть. Хотим мы или не хотим, язычники ли мы, православные или принадлежим к другим конфессиям — все мы воскреснем, общий Страшный Суд соберет нас воедино, и там мы увидим все свои дела. Мы воскреснем для того, чтобы пойти в жизнь вечную или в муку вечную.

До Воскресения Христова душа каждого без исключения человека уходила в ад — в Библии это темное, мрачное место названо «шеолом». Людские души там не видели ни света, ни радости. Но вышел из пустыни на проповедь Иоанн Предтеча и крестил людей в водах покаяния. Увидев Иисуса Христа, он сказал: «*Се Агнец Божий, вземляй грехи мира*» (Ин. 1, 29). И когда святого Иоанна Крестителя казнили, отрубив ему голову, он и в шеоле проповедовал о пришествии Христовом, готовил души людей к встрече Господа. А Спаситель, воскреснув, сошел во ад, умертвил смерть и даровал нам жизнь вечную.

Но лишь от нас зависит, наследуем ли мы эту жизнь или нет. Господь дал всем свободную волю. Сообразно ей мы можем прийти в храм, а

можем и не прийти. Не будь свободной воли, все делалось бы нами по принуждению. В таком случае мы вправе были бы сказать: «Какой же Бог Всеблагий? Он нас ограничивает, Он многое нам не разрешает!..». Было бы хорошо, если бы Он не разрешал нам грешить и ограничивал все злые деяния в нашей жизни. Но Господь дал свободную волю ангельскому миру и человеческому роду. Ангельский мир поднял мятеж против Бога — своего Создателя, и одна треть ангелов отпала. Сейчас их называют демонами... И в России в 1917 году тоже произошла революция. Не думайте, что она была направлена против эксплуататоров, помещиков и дворян — нет. Революция была совершена против Бога. Зачем же иначе разрушали и оскверняли храмы?

Посмотрите: возле храма, в котором сейчас мы с вами находимся, очень тесно возведены здания. Разве не было места, чтобы их немного подальше друг от друга построить? Но те, кто их планировал, считали, что этот храм будет снесен с лица земли. Не ожидали, что он сохранится, не знали, что Господь сказал: «*Созижду Церковь Мою, и врата адова не одолеют ей*» (Мф. 16, 18). Архитекторы-коммунисты могут оправдываться: «Мы не виноваты, мы — люди подчиненные». Но еще раз повторяю: нам дана свободная воля, и можно было сделать один проект, а можно — и другой. Да и сейчас у тех людей, которые шли против Бога, есть возможность реабилитироваться — прийти в храм, покаяться и сделать что-то доброе, что-то приобрести для своей души, чтобы не быть осужденными на Страшном Суде. Ведь там невозможно будет сказать: «Я не хотел этого делать, а меня принудили», — потому что у каждого есть своя свободная воля делать или не делать чего-либо, и мы этой своей волей должны жить с Богом, по Его заповедям. Например, нельзя сказать: «Я потеряла свою чистоту и целомудрие не по своей воле», — потому что мы провоцируем к тому, чтобы нас обезчестили: ходим — полунагие, смеемся — нагло, красимся — слов нет... На Страшном Суде оправдания не будут приниматься, по-

тому что каждый наш шаг должен делаться с рассуждением.

Но продолжать и дальше жить такой жизнью нельзя. Ведь время — не вечно, и плоть наша — тленна, безсмертна лишь душа. Плоть наша воюет всеми силами против нашей души — это надо помнить. Она требует, чтобы мы ее кормили, веселили, грели, услаждали... Но душа — самое главное в жизни человека, а тело — второстепенное.

Мы же часто об этом забываем, и потому бывает так, что в светлые пасхальные дни тело радуется, а душа нет. Для плоти наступает радость: пост кончился — можно покушать! Плоть требует: «Ешь, пей, веселись! Тебе можно — ты достойно постилась. Объедайся до пресыщения!» — и мы выходим из-за стола такими отягченными, что вздохнуть невозможно. А душа — она стремится к Богу. Поэтому внимательнее смотрите за собой: если есть у вас тягота, душа болит, если чувствуете состояние безысходности, отчаяния, то помните — томится в нашем теле, как в темнице, наша душа. Она хочет к Богу. А для того чтобы к Нему прийти, ей нужно очиститься, покаяться, приобрести немножко добрых дел и потом прийти ко Господу, соединиться с Ним в таинстве Причастия — лишь тогда мы почувствуем облегчение нашей души, а с ней — и облегчение тела.

Дорогие братие и сестры, не забывайте храм! Здесь, в этом доме Божием, душа ликует. Мы говорим: «Христос воскресе!» И вы весело отвечаете: «Воистину воскресе!» — это душа заставляет плоть торжествовать и с радостью отвечать на эти слова. Храм — уголок Неба, где вечная жизнь с Богом. И путь к Богу — через храм, таинства, молитвы, исполнение заповедей Христовых.

Каждый год мы с волнением ждем сошествия Благодатного огня, потому что если он не сойдет, то, значит, придет антихрист, будет царствовать три с половиной года, а затем наступит кончина мира.

В этом году Благодатный огонь ждали долго — около сорока минут. Но он сошел — Господь дал нам еще год жизни, чтобы приуготовить себя к Вечности, постараться реабилитироваться за прошедшие годы, когда мы, вольно или невольно, оскорбляли Бога делами, словами, своей жизнью: мы променяли Его на экстрасенсов, магов и им подобных, мы молились на мамону, старались жить в богатстве, славе, достатке, а Спаситель был нами забыт...

Время нашей жизни близится к закату. Как и время жизни нашей планеты. Для того чтобы убрать с Земли всю скверну злых дел и поступков, нужен будет огонь — вода уже не смоет все эти наши греховные нечистоты. Сгорит все — и очистится земля, как металл очищается от окалины. И будут, как сказано в Священном Писании, новое Небо и новая земля (см. Откр. 21, 1). Под Небом, по толкованию святых отцов, здесь подразумевается ангельский мир. Про людей же Господь говорит: «*Егда бо из мертвых воскреснут, ни женятся, ни посягают, но суть яко ангели на Небесех*» (Мф. 22, 30). Душа их будет иметь уже другую плоть. Там отпадет потребность в пище и питии, не понадобятся ни свет, ни тепло. И совсем другая настанет жизнь...

Каждая воскресная служба, каждый воскресный день — это малая Пасха. Но вот эта большая Пасха, торжественная, великая — один раз в году. Сейчас мы в торжестве, ликовании и радости совершаем пасхальное богослужение, а там будет Пасха постоянная — радость о Духе Святом, счастье и блаженство! Как говорил апостол Павел: «*Ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящым Его*» (1 Кор. 2, 9).

Поздравляю вас, возлюбленные братие и сестры, с Пасхой Христовой и призываю на всех Божие благословение. Пусть же Господь дарует нам еще и еще раз встретить эти дни в мире и радости.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

БЕЗКОНЕЧНАЯ ВЕЧНОСТЬ

Вечность, в которой по восстании от мертвых и окончании праведного Христова суда пребывать будем, не ино что есть, как едино начало без конца: она всегда начинаться будет, но никогда не кончается. Воображай в уме, что пройдет сто тысяч лет: нет конца вечности. Пройдет сто тысяч веков: нет конца вечности. Пройдет тысяча тысяч веков и миллион миллионов: нет конца вечности, то только начинается. И хотя далее умом поступать будешь в вечность, едино увидишь начало без конца. Сколько ни собери миллионов веков в ум твой, то все он:: так имеются противу вечности, как едина капля воды против целого океана, или как маковое зерно против всего света, или, лучше сказать, как ничто. Ибо все может мало-помалу умалиться и скончаться, но вечность не может, ибо безконечна. Чем далее простираешься умом в вечность, тем большая долгота ее открывается, ибо безконечна.

Святитель Тихон Задонский

Святитель Тихон Задонский

Краткие нравоучительные слова

слово девятое

О воплощении Сына Божия

«Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее» (Лк. 19, 10).

Само воплощение Сына Божия и пришествие Его в мир весьма поощряет грешников к покаянию. Ради кого Христос пришел в мир? Ради грешников. Ради их спасения. О, как дорого Бог спасение наше поставил! О, воистину *велика благочестия тайна: Бог явился во плоти* (1 Тим. 3, 16). *Господи, что такое человек, что Ты открылся ему? Что такое сын человеческий, что Ты помышляешь о нем* (Пс. 143, 3)? Помянем сие великое дело Божие, ради нас сотворенное, и покаемся. Вспомним, как ради нас родился от Девы, и был Младенцем, и молоком материнским питался, и Невидимый стал видимым, и Безначальный начало воспринял, и пеленами повивался как младенец, и Неосязаемый стал осязаем, и *Слово стало плотию* (Ин. 1, 14). Вспомним, как, будучи еще Младенцем, от убийцы царя Ирода убегал. Вспомним, как на земле жил и странствовал, как с места на место переходил и ради нашего спасения трудился, как Неприступный Херувимам и Серафимам с грешниками пребывал, и как Имеющий престолом небо и подножием землю, Обитающий *в неприступном свете*, не имел, *где приклонить голову* (1 Тим. 6. 16; Мф. 8, 20); как *Он, будучи богат, обнищал, дабы мы обогатились Его нищетою* (2 Кор. 8, 9). Вспомним, как Одевающийся светом, словно ризой, тленной одевался одеждой; как Дающий пищу всякой плоти хлебом земным питался; как Всесильный немощным был и всем Дающий крепость – утруждался. Вспомним, как Того, Кто превыше всякой чести и славы, беззаконные уста хулили, поносили и осмеивали. Вспомним, как страдал, тосковал, печалился, плакал и ужасался. Вспомним, как неблагодарным учеником был продан и предан, и прочими учениками оставлен был; как был связан и веден на суд; как беззаконные Его судили, ударяли, бичевали, осмеивали, как в ризу поругания одевали, и терновым венцом венчали, и тростью по голове били, и плевали на Него, и насмехались над Ним, говоря: *Радуйся, Царь Иудейский* (Ин. 19, 3)! Вспомним, как Он слышал от Своих беззаконных людей: *Возьми, возьми, распни Его* (Ин. 19, 15)! – как был с двумя злодеями веден на распятие, и на кресте между двумя злодеями распят был Сын Божий, и крестной смертью умер.

Потеряли было мы во Адаме спасение и все наше блаженство, но Христос, Сын Божий, благоволением Небесного Своего Отца возвратил нам его. Сами рассудим, не сама ли Кровь Христова, ради нашего спасения пролитая, и все Его смотрение вопиет к нам, дабы покаялись и так спасения вечного не лишились. Ибо без покаяния нет спасения никому.

Однако окаянный грешник об этом небрежет. Человеколюбивый Бог столь чудный о нем показал Промысл, дабы покаялся и так спасся, но грешник оставляет это без внимания. Христос Сын Божий представляет в Евангелии Своем пришествие в мир ради него, представляет ему Свое вольное уничижение, Свою вольную нищету, Свое вольное и глубокое смирение, Свои труды, болезни, скорби, печали, страдания и смерть, смерть же крестную, и говорит ему: «Человек! Все это Я ради тебя и твоего спасения принял и претерпел, ты же небрежешь о своем спасении. Небрежешь, ибо не хочешь каяться и, перестав грешить, Кровью Моей воспользоваться и оживиться».

О, бедный грешник! Пробудись и очувствуйся. Если же не сделаешь этого, то сама Кровь Христова, ради тебя пролитая, возопиет об отмщении на тебя. Послушай, что пророк Божий от лица Божия говорит тебе: *Обличу тебя, и представляю пред лицом твоим грехи твои* (Пс. 49, 21). То есть все твои злые дела, слова, мысли, замыслы и начинания вслед за тобой пойдут на тот век и на всемирном суде Христовом явятся, и получишь за них достойную свою мзду. Если не хочешь ныне с пользой для себя покаяться и так благодатью Христовой спастись, то тогда будешь каяться, но поздно и безполезно. *Встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос* (Еф. 5, 14), *владычествующий над всеми Бог*, благословенный во веки веков. Аминь.

Святитель Василий, епископ Кинешемский

ПОЧЕМУ МОЛИТВА БЫВАЕТ БЕЗПЛОДНА...

СВЯТИТЕЛЬ ВАСИЛИЙ, ЕПИСКОП КИНЕШЕМСКИЙ

(Из книги "Беседы на Евангелие от Марка")

Есть старая легенда, наглядно показывающая нам, как безплодны иногда бывают наши молитвы.

Давно-давно жил один святой старец, который много молился и часто скорбел о грехах человеческих. И странным ему казалось, почему это так бывает, что люди в церковь ходят, Богу молятся, а живут все так же плохо. Греха не убывает.

«Господи, – думал он, – неужели не внемлешь Ты нашим молитвам? Вот люди постоянно молятся, чтобы жить им в мире и покаянии, и никак не могут. Неужели суетна их молитва?»

Однажды с этими мыслями он погрузился в сон. И чудилось ему, будто светозарный Ангел, обняв крылом, поднял его высоко-высоко над землей... По мере того, как поднимались они выше и выше, все слабее и слабее становились звуки, доносившиеся с поверхности земли. Не слышно было более человеческих голосов, затихли песни, крики, весь шум суетливой мирской жизни. Лишь порой долетали откуда-то гармоничные, нежные звуки, как звуки далекой лютни.

– Что это? – спросил старец.

– Это святые молитвы, – отвечал Ангел, – только они слышатся здесь!

– Но отчего так слабо звучат они? Отчего так мало этих звуков? Ведь сейчас весь народ молится в храме...

Ангел взглянул на него, и скорбно было лицо его.

– Ты хочешь знать?.. Смотри...

Далеко внизу виднелся большой храм. Чудесной силой раскрылись его своды, и старец мог видеть все, что делалось внутри.

Храм весь был полон народом. На клиросе виден был большой хор. Священник в полном облачении стоял в алтаре.

Шла служба. Какая служба – сказать было невозможно, ибо ни одного звука не было слышно. Видно было, как стоявший на левом клиросе дьячок что-то читал быстро-быстро, шлепая и перебирая губами, но слова туда, вверх, не долетали. На амвон медленно вышел громадного роста диакон, плавным жестом поправил свои пышные волосы, потом поднял орарь, широко раскрыл рот, и... ни звука!

На клиросе регент раздавал ноты: хор готовился петь.

«Уж хор-то, наверно, услышу...» – подумал старец.

Регент стукнул камертоном по колену, поднес его к уху, вытянул руки и дал знак начинать, но по-прежнему царила полная тишина. Смотреть было удивительно странно: регент махал руками, притопывал ногой, басы краснели от натуги, тенора вытягивались на носках, высоко поднимая голову, рты у всех были открыты, но пения не было.

«Что же это такое?» – подумал старец.

Он перевел глаза на молящихся. Их было очень много, разных возрастов и положений: мужчины и женщины, старики и дети, купцы и простые крестьяне. Все они крестились, кланялись, многие что-то шептали, но ничего не было слышно.

Вся церковь была немая.

– Отчего это? – спросил старец.

– Спустимся, и ты увидишь и поймешь... – сказал Ангел. Они медленно, никем не видимые, спустились в самый храм. Нарядно одетая женщина стояла впереди всей толпы и, по-видимому, усердно молилась. Ангел приблизился к ней и тихо коснулся рукой... И вдруг старец увидал ее сердце и понял ее мысли.

«Ах, эта противная почтмейстерша! – думала она. – Опять в новой шляпе! Муж – пьяница, дети – оборванцы, а она форсит!.. Ишь выпялилась!..»

Рядом стоял купец в хорошей суконной поддевке и задумчиво смотрел на иконостас. Ангел коснулся его груди, и перед старцем сейчас же открылись его затаенные мысли: «...Экая досада! Продешевил... Товару такого теперь нипочем не купишь! Не иначе как тыщу потерял, а может, и полторы...»

Далее виднелся молодой крестьянский парень. Он почти не молился, а все время смотрел налево, где стояли женщины, краснел и переминался с ноги на ногу. Ангел прикоснулся к нему, и старец прочитал в его сердце: «Эх, и хороша Дуняша!.. Всем взяла: и лицом, и повадкой, и работой... Вот бы жену такую! Пойдет или нет?»

И многих касался Ангел, и у всех были подобные же мысли, пустые, праздные, житейские. Перед Богом стояли, но о Боге не думали. Только делали вид, что молились.

– Теперь ты понимаешь? – спросил Ангел. – Такие молитвы к нам не доходят. Оттого и кажется, что все они точно немые...

В эту минуту вдруг чей-то детский робкий голосок отчетливо проговорил:

– Господи! Ты благ и милостив... Спаси, помилуй, исцели бедную маму!..

В уголке, на коленях, прижавшись к стене, стоял маленький мальчик. В его глазах блестели слезы. Он молился за свою больную маму.

Ангел прикоснулся к его груди, и старец увидел детское сердце.

Там были скорбь и любовь.

– Вот молитвы, которые слышны у нас! – сказал Ангел. Таким образом, наши лицемерные, чисто внешние молитвы до Бога не доходят и плода не приносят.

«*Приближаются ко Мне люди сии устами своими*, – говорит Господь, – *и чтут Меня языком; сердце же их далеко отстоит от Меня; но тщетно чтут Меня*» (Мф. 15, 8-9).

«...Многие из нас, – пишет праведный Иоанн Кронштадтский, – совершают службу и таинства, молитвословия неохотно, вяло, небрежно, торопливо, с пропусками, желая скорее кончить святое дело да поспешить на житейскую суету. Какое страшное обольщение и какой тяжкий грех... Молятся ежедневно, может быть, долго, молятся по привычке, устами, а не сердцем, без сердечного сокрушения, без твердого желания исправления, чтобы только исполнить заведенное правило и мнят *службу приносити Богу* (Ин. 16, 2), тогда как молитвою своею они навлекают на себя только гнев Божий. Все мы больше или меньше грешны в том, что лицемерно молимся, и примем за это великое осуждение».

О рассуждении

Архиепископ Никон (Рождественский)
«Козни врагов наших сокруши...» Дневники

Архиепископ Никон (Рождественский)

Святые отцы-подвижники выше всего в духовной жизни ставят рассуждение. Что такое рассуждение? Это – особый дар Божий, дающий исполнителю заповедей Божиих способность познавать, как лучше и душеспасительнее совершить ту или другую добродетель, совершить дело доброе возможно согласнее с волею Божией. Сей дар дается Богом после великих подвигов в духовной жизни, а пока человек не удостоится получить его, он должен отсекать свою волю, даже свое смышление во имя послушания воле Божией, пред старцем или пред тем, к кому он находится в отношениях духовного подчинения, причем оба они руководятся опытом святых людей, имевших несомненно дар рассуждения. Вот почему святые отцы и говорят, что послушание есть матерь смирения и рассуждения.

Знают ли миряне-христиане эту мудрость духовную? Не впервые ли многие из них сейчас читают о ней? А между тем для православных это должно бы быть азбучкой их духовной жизнедеятельности. Без рассуждения ни одна добродетель не имеет настоящей цены в очах Божиих. Будет ли то молитва, или пост, или милостыня – без рассуждения все это может обратиться даже во вред делателю сих добродетелей, ибо подо все это, без рассуждения, может быть незаметно подложено как почва, как тайное побуждение, например, тщеславие или иная какая-либо другая страсть, и тогда вся ценность доброделания будет похищена врагом нашего спасения. Ведь сказано в Писании и о молитве: молитва его обратится в грех, а о посте и бдении сказал некогда бес одному подвижнику: «Ты постишься, а я никогда не ем, ты бодрствуешь, а я никогда не сплю». Без рассуждения самая любовь, сей верх нравственного совершенства, может обратиться или в буддийское непротивление злу, или же в туманный, расплывчатый, безпочвенный, холодный гуманизм... Самое смирение, сей воздух, коим дышат добродетели, может выродиться в смиреннолукавство. Так высоко ценится дар рассуждения как основа христианской деятельности. Вот почему добродетель послушания, как одно из главных средств к приобретению рассуждения, так высоко ценится в духовной жизни святыми отцами и учителями Церкви.

Будучи по своей природе даром благодати Божией, стяжаваемым, однако же, личным подвигом человека, рассуждение делает человека, обладающего им, причастником общецерковной жизни. Церковь есть единый живой организм, имеющий своею Главою Самого Господа нашего Иисуса Христа и объединяющий в себе всех во Христе спасаемых, от первозданного Адама до последнего его потомка, имеющего восприять святое крещение пред пришествием Господа на суд всемирный – словом, все спасаемое во Христе человечество. Глава Церкви – Христос благодатию Духа Святаго руководит духовною жизнию верующих в Него, а верующие, личным подвигом накопляя духовные опыты благодатной жизни, делятся ими со своими собратиями во Христе и, таким образом, не только единым сердцем и едиными усты, но и единомыслием дел в жизни во Христе исповедуют Его яко Главу свою и прославляют всемощную спасающую силу Его. Да иначе и быть не может в Церкви Христовой. Ведь все, что мы делаем доброго, исполняя святую волю нашего Господа, делаем не мы: Он в нас и чрез нас исполняет Свои же заповеди. Ведь это – Его слово: «*без*

Мене не можете творити ничесоже». Таким образом, жизнедеятельность Церкви, каждого отдельного ее члена и всех вместе, в сущности, есть жизнедеятельность Главы Церкви – Самого Господа Иисуса Христа. Из сего видно, как для каждого члена Церкви должно быть обязательно сообразовать всю свою личную жизнедеятельность с волею Главы Церкви – Христа и с жизнедеятельностию всей Церкви – Его тела. Только то добро спасительно, которое вполне согласовано с сею Божественною волею, о котором и совесть наша свидетельствует, что оно не нами, не нашими личными силами, а благодатию Христовою соделано. Такое добро делает нас самих живыми членами единого тела Христова – Его Святой Церкви, нашей Матери, органами Христа в Его жизнедеятельности на земле. И в этом – наше счастие, в этом залог и начаток нашего вечного блаженства еще здесь, на земле. И кто живо сознает это, кто живо в самом себе ощущает эту жизнедеятельность Христа, кто чувствует свое полное безсилие на доброделание без Его благодатной помощи, тот всегда с глубоким смирением будет благоговейно исповедовать силу Христову и все будет приписывать Ему единому, яко действующему вся во всех членах тела Его – Церкви. «*Живу не ктому аз*, – восклицал некогда в благодатном восторге великий апостол Христов, – *но живет во мне Христос. Вся могу о укрепляющем мя Господе Иисусе*»! Отсюда – глубокое, для мира сего непостижимое смирение святых Божиих и всех вообще подвижников благочестия. В чувстве сердца все они ничего не видят в себе истинно доброго, что принадлежало бы *лично* им: «наше – это грехи, а если что и делаем доброго, то – уже не наше, а Божие. Ведь сказано: *аще вся повеленная вам сотворите, глаголите, яко раби неключими есмы: еже должна бехом сотворити – сотворихом*». Для таковых становится уже безопасен и дар чудотворений с даром пророчества или прозорливости: чувствуя и сознавая себя орудиями, органами жизнедеятельности Самого Христа, они не смеют и помыслить что-либо о себе высокое, напротив, с благоговейным смирением все относят ко Христу и за все прославляют Его всемощную благодать.

Из всего сказанного видно, как для всех нас, верных чад Церкви, важно быть в единении духа с Церковию веков минувших, на небесах уже торжествующей, в единении не только учения веры, но и самых принципов нашей христианской жизни. А искание этого единения есть то, что мы называем рассуждением. Со стороны Главы Церкви это есть – Его дар, а со стороны нашей – всецелое стремление во всем и всегда согласовать волю свою с волею Его, внимая учению Церкви и ея благодатных, духовным опытом богатых пастырей и учителей духовной жизни.

> *Вне неуклонного послушания Церкви нет ни истинного смирения, ни истинного разума духовного; там обширная область, темное царство лжи и производимого ею самообольщения.*
>
> *Святитель Игнатий Брянчанинов*

Господь не оставляет Свою Церковь и в наше скудное верою и духовною жизнию время без живых руководителей в духовной жизни. Где они? Кто они? «*Ищите и обрящете*, – глаголет Господь, – *толцыте и отверзется вам*». Молитесь, просите и дастся вам. Так молился святой царь и пророк Давид: *научи мя творити волю Твою, яко Ты еси Бог мой* (Пс. 142, 10). *Настави мя на истину Твою, скажи ми, Господи, путь, в оньже пойду, яко к Тебе* от всякого житейского попечения и пристрастия *взях душу мою* (Пс. 24, 5). Должно только помнить, что, по слову святого Иоанна Лествичника, тому, кто хочет познать волю Божию, прежде всего следует умертвить в себе всякое собственное желание, отречься от всякого своего смышления и только тогда вопрошать старцев или пастырей Церкви о том, в чем имеет он нужду. При этом он обязан принимать от них советы, яко от уст Самого Бога, хотя бы то и казалось противоречащим его желаниям и намерениям и хотя бы тот, кого он вопрошает, сам и не был строгим подвижником. «Несть бо неправеден Бог, – говорит великий учитель духовной жизни святой Иоанн Лествичник, – и не попустит, чтобы души, совету и суду ближнего с верою и незлобием (в простоте сердца) покоршиеся, были обмануты, и хотя вопрошаемые были и неразумны (недостаточно опытны), однако есть в них Дух Божий безтелесный и невидимый». На сем основывается так называемое старчество. Не для иноков только, но и для всех, внимающих делу своего спасения, оно необходимо.

Сами старцы всячески отсекают свою волю и пред духовными своими друзьями, и пред лицом Божиим, молясь слезно, да скажет им Господь волю Свою, да подаст им слово благопотребное ко спасению вопрошающих. И как бы ни было иногда горько это слово, они говорят его небоязненно, невзирая на лица, единственно внимая голосу своей совести. И верующие миряне с любовию внимают слову их и иногда издалека идут к ним или же ведут с ними постоянную переписку. Известно, сколько томов писем уже издано разными лицами и особенно Оптиной пустынью, писем, заключающих в себе сокровища духовных советов, преподанных старцами по разным случаям духовной жизни. И строго следят старцы Божии, чтобы их ответы, их письма соответствовали учению святых отцов-подвижников, наипаче же Слову Божию. Если их совесть колеблется, то они не дают никакого ответа, дабы не погрешить пред Богом и не подать вредного совета. И по мере их отречения от своей воли и смышления, Господь дает им дар рассуждения на пользу ищущих их окормления. И нередко вся судьба мудрого и ученого человека решается словом простеца старца, Богом умудренного. И в этом порядке водительства Божия совершается та тайна, о коей некогда изрек Господь в молитве Отцу Своему Небесному: «*благодарю Тя, яко утаил еси сия от премудрых и разумных, и открыл еси та младенцем*», – младенчествующим в простоте верующего сердца.

Наше время тем и опасно, что самое нужное для христианина и забывается. Толкуют и спорят о самых превыспренних предметах, а духовной азбучки и не вспомнят. Оттого и происходит та безплодность даже в добрых начинаниях, какая иногда приводит нас в недоумение: отчего это? – от недостатка духовного рассуждения, от излишней самонадеянности, от самочиния. Рассказывал мне покойный о. архимандрит Леонид об одном афонском молодом иноке, который возмечтал быть мучеником за Христа. Обратился он за советом к своему старцу. «Доброе дело, чадо, – ответил ему авва, – но нельзя на это самочинно вызываться – это уже дело гордости духовной. Господь учил: *аще гонят вы во граде, бегайте в другий*». Но юный инок не убеждался сим советом аввы: «Сердце мое горит любовию ко Господу, хочу умереть за Него. Благослови, отче: я пойду к туркам, прокляну их Магомета и исповедаю Христа». Тогда мудрый старец говорит ему: «Нужно, чадо, прежде себя испытать: вынесешь ли страдания? Лучше сделать опыт». «Готов, – говорит ученик, – на все». «Вот тебе заповедь: если укусит тебя блоха или клоп – не смей чесаться». Ученик принял заповедь, но не прошло двух-трех дней, как прибежал к старцу с жалобой на самого себя: «Не могу, отче, вынести искушения, сними с меня заповедь!» Тогда старец сказал ему: «Видишь, как ты немощен: где же тебе вынести муки за Христа? Видишь, что твое неразумное желание мук сих есть искушение от врага». И смирился инок, и просил у старца прощения. Такого рода искушение, влекущее на подвиг выше меры, называется поруганием от врага и происходит от гордости. Святой Иоанн Лествичник говорит: «Часто у врагов наших сей бывает умысел, да нам представят к деланию то, что силы наши превосходит, чтобы мы чрез то, презрев и потеряв и возможное, подвергнули себя величайшему у них посмеянию». «Видел я, – говорит он, – некоторых и слабосильных людей, которые по причине множества грехопадений своих принимались за подвиги, силу их превышающие, но поелику понести их не могли, то я им сказал, что покаяние у Бога судится по количеству не трудов, а смирения».

Когда нет духовного рассуждения, то всякое доброделание подвергается опасности быть безплодным для нашего спасения. Или человек берется за подвиг выше меры своих духовных сил; или берется за дело, которое не нужно, и не делает того, что нужнее и полезнее; или делает нужное не так, как бы подобало; или вовсе не замечает, как под его доброе дело подкрадывается враг и скрадывает его тщеславием, корыстолюбием, самомнением... И сколько таким образом тратится сил и средств людьми добрыми если не напрасно, то с потерею духовного плода в жизнь вечную! А иногда от мнимых добрых дел, даже от таких, как пост и молитва, получается великий вред для души, и все это от недостатка духовного рассуждения, от самонадеянности, от нежелания смиренно проверить себя: разумно ли, по духу ли Христова учения подвизается он? Видал я прельщенных, носивших тяжелые вериги, изнурявших себя постом, полагавших не одну тысячу поклонов в сутки, читавших грешные помыслы в чужой душе и обличавших их и, наконец, – на воздух поднимавшихся во время молитвы... И – увы! Все таковые находились в прелести бесовской, в самом погибельном состоянии, все они были заражены духовною гордостью и находились во власти сатаны, все забывали, что в очах Божиих смиренный грешник, окаевающий свои грехи, неизмеримо выше всякого гордого праведника, любующегося на свои добродетели. Еще не потеряна надежда на спасение того, кто искренно заблуждается, кто самочинничает в духовной жизни по неведению: Господь вразумит его и изведет на путь смирения, имиже Сам весть путями; но горе тому, кто знает этот Христов путь, но не хочет вступить на него. За то, что он в гордыне своей как бы презирает голос Матери Церкви, за то, что он в самомнении своем сам отделяет себя от жизни Церкви, которая дышит смирением, благодать Божия оставляет его и предоставляет его своей гибельной участи, по реченному: *накажет тя отступление твое*... Вне Церкви Христовой нет благодати, нет и спасения! Мы знаем ведь, что и магометанские факиры, и индусские йоги совершают такие подвиги, коим нельзя не изумляться: и постятся по нескольку недель, и истязуют свое тело всякими способами, но все это совершается вне благодати, скажу больше: все они, находясь в отчуждении от благодати, живущей только в Церкви Божией, находятся под влиянием врага рода человеческого, который не только помогает им в их лжеподвигах, но и других чрез то влечет к погибели... Но не столько виновны будут на Страшном суде Божием все сии, вне Церкви и в прелести находящиеся, сколько христиане, знающие путь Христов и идущие путем гордыни сатанинской.

> *Предание себя воле Божией, искреннее благоговейное желание, чтобы она совершалась над нами, есть необходимое, естественное последствие истинного, духовного рассуждения.*
>
> *Святитель Игнатий Брянчанинов*

Что я сказал сейчас о подвигах духовных, то применимо и к подвигам всякого доброделания. Путь смирения один и тот же: и для монаха, и для мирянина. Будет ли то подвиг молитвы и поста, или же подвиг милостыни, храмоздательства, или же всякого служения ближнему – все будет ценно в очах Божиих только тогда, когда будет совершаться в смирении, в отсечении своего смышления, при проверке своего доброделания церковным о нем учением, дабы действовать так, как подобает члену Церкви – в единении с Церковию и Самим ея Главою – Господом Иисусом Христом. В этой проверке себя, в этом искании единения и заключается добродетель рассуждения, которая должна руководить всяким начинанием нашим, всяким нашим доброделанием.

Скажи же нам, Господи, путь, в оньже пойдем, и научи нас непогрешительно творити волю Твою!..

ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ

Блаженной памяти схиархимандрита Виталия посвящается

Беседа 13

Из воспоминаний монахини N.

Мое знакомство с отцом Виталием произошло в Таганроге примерно в 1956 году, в дни моей бурной молодости, когда на уме у меня были одни танцы, клубы... Мама у меня была верующая. Когда я стала посещать баптистов, она очень плакала, ходила в церковь с такой скорбью! Однажды подошла к иконе Страшного суда и зарыдала. Вдруг какая-то незнакомая женщина у нее спрашивает: «Раба Божия, что Вы так горько плачете?» Мама рассказывает: «У меня единственная дочка Зина ушла к баптистам», – и описала мою внешность. А потом, когда я уже начала возвращаться в Православие, однажды прихожу в храм – подходит ко мне эта женщина и спрашивает: «Вы Зина?» Я отвечаю: «Да». Она дает мне книжечки про баптистов почитать и говорит: «Приехал один монах – не хотите ли с ним познакомиться?» – а этим монахом был отец Виталий...

Когда я пришла к нему с мамой и с нашей соседкой, народу было уже полным-полно. Бесноватые кричали страшно. Меня этот крик так испугал, что я в душе начала молиться: «Господи, отдам Тебе всю жизнь, только не посети меня такой болезнью!»

Батюшка стал раздавать подарки – кому что. А на меня посмотрел с укором, как бы обличая – видел раны мои. Я поняла, что он меня обличает.

Когда начали прикладываться к иконам, никто не хотел становиться со мной в пару: я была модно одета, и все думали, что пришла какая-то предательница или шпионка (время-то какое было – 60-е годы, разгар богоборчества в стане).

На следующий день утром мама ушла на работу, а я осталась дома и стала молиться. Во время чтения акафиста Божией Матери «Троеручица» я посмотрела на икону и по телу прошла дрожь – так она меня поразила! Видно, по молитвам отца Виталия, да и Промысл Божий был таков. Продолжаю читать акафист и вдруг вспоминаю, что я забыла жакет у Батюшки, а его нужно было вернуть до прихода мамы. «Как же, – думаю, – найти Батюшкин дом?» – шли мы ночью и я не запомнила дорогу. Решила спросить у той женщины, которая меня познакомила с отцом Виталием. Намочила голову – расправила завивку, надела простую одежду и пошла. Пришла к той женщине – она мне

рассказала, как попасть к отцу Виталию, и прибавила: «Иди и дорогой читай Иисусову молитву, иначе тебя не пустят».

Когда я пришла, была трапеза. Батюшка быстро встал, посадил меня на свое место, начал подсовывать всякие угощения. Я застеснялась. Сестры говорят: «Кушай, кушай! Тебя старец кормит!» А он возле меня сел и начал напевать разные духовные песнопения – то «Странника», то что-то другое...

После этого я еще раза три встречалась с ним, с сестрами. Через некоторое время Батюшка мне сказал: «Через год пойдешь в монастырь, но будешь сама устраиваться». И я стала искать себе монастырь. Приехала в Глинскую пустынь. Мы вошли на двор Глинской и увидели: идет молодой монах – в подряснике, белом-белом фартуке... И чем-то таким древним-древним вдруг на меня повеяло, будто я перенеслась в древнюю Русь. А монах этот был, как я потом узнала, отец Амвросий. Он идет по двору и кричит отцу Серафиму (Романцову), который жил тогда в башне: «Батюшка, а батюшка! – тот выглядывает из маленького окошечка. – Я съел пряник, а сегодня среда». Меня это тогда так удивило: подумаешь, преступление – пряник скушал!

Потом я увидела монашескую жизнь – мне понравилось. Но Глинскую собирались закрывать, и я стала искать дальше – ездила то в один, то в другой монастырь.

Помню, мы с Вороновой Ларисой (она сейчас уже умерла, дожив до схимы) перед поступлением в монастырь жили около месяца в Киево-Печерской Лавре. В пасхальные дни ходили по пещерам и пели!.. И вдруг узнали, что в Покровский монастырь приезжает патриарх Алексий I. Мы пошли туда. Видим: он уже идет к машине, собирается уезжать. Мы – бух в ноги Патриарху, поклонились. Все вокруг удивились, засмеялись над нами, как над юродивыми. А мы ни на кого не обиделись – такая по молитвам отца Виталия в то время на душе царила благодать. Святейший сказал: «Откройте двери этим матушкам», – и благословил нас.

Наконец, мы с Ларисой поступили в Барский монастырь – там можно было прописаться. Молитвы отца Виталия помогали, содействовали нашему житию. Когда мы пришли в монастырь в первый раз, то попросили у матушек благословения – они аж заплакали, так как такой образ поведения уже был там утрачен: монастырь несколько раз закрывался, открылся лишь после войны. Когда нам говорили что-либо обидное, мы абсолютно не обижались, всем кланялись. Чувствовали детскую простоту, незлобие – только молитвами и примером отца Виталия, ведь все это появилось после общения с ним.

Хотя мы в то время и не видели Батюшку, были с ним в разлуке, но молитвы его нами руководили – это чувствовалось. На душе было такое

смирение – детскость, кротость, что просто удивительно! Сейчас я уже не та: если кто-то что-то обидное скажет – я сразу «на дыбы», включается самозащита, а тогда было лишь умиление, любовь...

Но через два года наш монастырь закрыли. Я вернулась домой – жила с мамой, работала на производстве, посещала храм, пела на клиросе.

Отец Виталий в это время странствовал, где он был – не знаю. И только через одиннадцать лет я получила от него письмо: «Если исполнишь мое послушание – приедешь в Тбилиси – будет тебе великое благо от Господа». Я приехала. Мать Мария, конечно, сказала, что я с ним не увижусь: «Отца Виталия нет, с ним нельзя встретиться». А на меня какая-то безпечность нашла: «Ну, не увижу, так не увижу!» Пожила там немного. Надо было уже возвращаться домой. И за день до моего отъезда вдруг мать Мария говорит: «Тебя ждет радость. Такая радость!» – а я и не догадываюсь, про что она. Батюшка жил тогда на Московском проспекте – и мать Мария повела меня к нему.

Он, бедненький, целую ночь без умолку разговаривал со мной, беседовал, а я сижу – дремлю. Он тогда и говорит: «Я ленивый, как медведь», – и прочее, и прочее – все о моих грехах... Много он поучительного сказал, много предрек – за тридцать лет вперед!

Потом я много раз бывала в Тбилиси. Ездила и одна, и с мамой. Такое утешение получала! Приезжаешь от Батюшки – совсем другой будто бы становишься. Но надолго меня не хватало: снова растрачивала все в миру.

Я часто писала отцу Виталию и в письмах задавала ему вопросы. Он поучал меня. Однажды приехала, а он и говорит: «Вот мне одно письмо написали – и я всю жизнь им пользуюсь[1]. А вам пишешь-пишешь, пишешь-пишешь, все объясняешь, а вы все забываете и ничего не исполняете».

Когда мама умирала, я также написала отцу Виталию письмо. Он ответил: «Не безпокойся, Господь все устроит», – и по его молитвам появились деньги, нашлись люди, которые помогли мне в хозяйственной части похорон – в общем, все устроилось хорошо.

Меня безпокоило мое одиночество, старость, болезненность: я сердечница – то инфаркт, то еще что-то. И однажды я в письме спросила его об этом. А он ответил: «Не безпокойся, положись на Матерь Божию. Сама Матерь Божия и Господь тебя "досмотрят"». Теперь только на это и возлагаюсь. У меня до сих пор хранится это Батюшкино письмо...

Теперь уже двенадцать лет прошло, как Батюшки нет. Живу одна, старость подкатила. Сокрушаюсь, что я не то, чем должна быть: нет ни смирения, ни настоящей любви – один ропот, обиды. Очень трудно без Батюшки: нет духовной поддержки и подкрепления. Бывает, такой ощущается духовный голод, что хочется выйти в степь и кричать на весь белый свет!.. Но утешаюсь Евангелием и Библией. Хотя и не исполняю того, что там написано, но читаю – и получаю велие утешение. Иногда с сожалением вспоминаю монастырь – манит меня до сих пор монастырская жизнь, общение с сестрами, но теперь уже и возраст не тот, и здоровье не то – боюсь, что буду людям в тягость...

Вспомнила еще один эпизод из жизни Батюшки – его рассказала мне одна сестра. Мать Мария за что-то ее наругала – она обиделась и говорит: «Сейчас пойду на вокзал, куплю билет и уеду». Отсчитала деньги и чувствует, будто у нее из рук кто-то вытягивает кошелек. А рядом никого нет. Думает: «Что такое?» Посмотрела, а кошелька в руках нет! Потом через некоторое время приходит Мария Москвичева и подает ей тот самый кошелек! Сестра спрашивает: «Как он у тебя оказался?!» Мария отвечает: «Да Батюшка Виталий принес». И много раз бывало такое, что он невидимо присутствовал рядом, а нашим очам это было не видно...

[1] Вероятно, имеется в виду письмо от духовного отца (ред.)

Блаженной памяти схиархимандрита Виталия посвящается

Возлюбите любовь

Вся жизнь схиархимандрита Виталия (Сидоренко) была воплощением любви, смирения, добродетели и сострадания. На его могилу, которая находится во дворе храма святого Александра Невского в Тбилиси, стекается множество верующих, чающих сочувствия и заступничества, и отец Виталий никого не оставляет без утешения. Незадолго до своей кончины в письме своим духовным чадам он оставил нам замечательное поучение, которое можно назвать духовным завещанием отца Виталия: «Возлюбите ближнего своего! И тогда вы возлюбите Христа! Возлюбите унижающих вас и врагов ваших! И дверь радости отверзется вам, Воскресший Христос очистит воскрешенную любовью вашу душу. И это все! Какую малость ждет от нас Господь! В этом есть наш рай! Это наше воскресение, наша Пасха! Возлюбите любовь и вечно пребудете в любви воскресшего Спасителя».

Епископ Андрей (Гвазава): «Когда я впервые пришел к отцу Виталию, никаких вопросов ему не задавал, не так важно было для меня то, что он мне говорил, я просто считал для себя счастьем быть рядом с ним. Однажды я открыл ему свое чаяние стать монахом и попросил благословения на поступление в Оптину пустынь. «Да, в Оптину пустынь было бы хорошо, но возможно, все получится по-иному», – ответил отец Виталий и рассказал о том, как к нему

приходил некий молодой человек и просился в монастырь, но впоследствии прошло два года, пока его желание исполнилось. Тогда я и представить не мог, что это он образно говорил обо мне. Так и произошло. Свою мечту я смог осуществить только через два года. Исполненью моего чаяния помешала война в Абхазии. Я попросил отца Виталия отпустить меня в родной город Сухуми. Перед отъездом отец Виталий подарил мне икону и 90-й псалом. «Читай!» – сказал он мне. Всю войну носил я эти святыни на сердце и остался жив».

Отец Виталий предсказал молодому Андрею архиерейство. Вот как об этом вспоминает схиигумения Серафима: «Когда Андрей вышел из комнаты, отец Виталий неожиданно сказал мне: "Почему ты не взяла благословение у архиерея?!" Тогда я не поняла, о каком архиерее он мне сказал, ведь Андрей даже не был монахом».

Когда отцу Виталию становилось очень плохо, матушка Серафима звонила Святейшему Патриарху[1], и Святейший что-нибудь присылал или сам приходил к старцу. Так однажды он принес миро с мироточивой Иверской иконы Пресвятой Богородицы, находившейся в Канаде. При своих посещениях Его Святейшество всегда приводил отца Виталия и всех присутствующих в бодрое настроение. Когда же он уходил, все могли заметить, как Католикос безпокоится о здоровье отца Виталия, хотя перед ним он этого никогда не показывал.

Схиигумения Серафима: «За день до кончины отец Виталий вдруг показал жестом, чтобы я отодвинула занавески окон. Я спросила: «Кого-нибудь увидели?» Он же, задумавшись, смотрел на меня. Затем приложился к своей руке и ею же показал на икону Божией Матери. Я подала ему икону, которой он нас и благословил. Я его спросила: «Матушка Богородица являлась?» Он в ответ кивнул головой и заплакал».

Схиархимандрит Виталий скончался 1 декабря 1992 года в 18 часов 45 минут. Попрощаться с покойным, дорогим ему человеком, пришел Святейший и Блаженнейший Католикос Патриарх всея Грузии Илия II. Он поблагодарил всех, кто ухаживал последние дни за отцом Виталием. Указывая на комнату, где жил и молился великий старец, Святейший сказал: «Приидите и поклонимся сему месту».

По благословению Патриарха 5 декабря 1992 года тело отца Виталия было похоронено во дворе святого Александра Невского. Литургию возглавил Патриарх всея Грузии Илия II. В своей проповеди он сказал следующее: «Сегодня, братья и сестры, мы провожаем в последний путь нашего великого старца, схиархимандрита Виталия. Тот, кто знал отца Виталия, кто имел радость общения с ним, знает, насколько святой жизни был этот великий и дивный старец. Удивительная и святая вера, необъятная любовь, удивительное и примерное смирение и послушание – все это создавало ту духовную атмосферу, которая несла любовь всем, кто хотел получить духовное утешение от него. Действительно, братья и сестры, это был святой старец. И я, общаясь с ним, беседуя с ним, неоднократно видел эту святость, которую он источал вокруг себя. Сегодня, братья и сестры, мы провожаем его, но мы должна всегда помнить, что отец Виталий всегда с нами. И для того, чтобы все мы могли иметь ежедневное духовное утешение, мы приняли решение, чтобы погребение было совершено во дворе Александро-Невского храма. Это позволит всем нам часто приходить к нему, брать у него благословение. И как при жизни, он всегда будет помогать нам. Господь да упокоит его в селениях праведных».

Панихиду на могиле отца Виталия совершил епископ Никон (Васин), г. Тбилиси, декабрь 2004 г.

Священник Павел Косач: «Патриарх прочел разрешительную молитву и передал ее мне, чтобы вложить в руку отца Виталия. В это время большой палец на его руке отгибается, я вкладываю в ладонь лист с молитвой – и рука закрывается. Сама. Я был так потрясен, что от неожиданности вскрикнул: «Сам взял!» – и лишь позже осознал это как должное – ведь человек этот был не от мира сего». «Сам взял!» – подтвердил стоящий рядом протоиерей Михаил Диденко. Святейший Патриарх молча утвердительно кивнул головой и продолжал службу[2].

На могиле отца Виталия всегда горят свечи, возжена неугасимая лампада и всегда живые цветы. К могилке отца Виталия приходят и те, кто раньше не знал о нем – приходят за благодатной помощью старца, которую они реально ощущают в своей жизни. При жизни батюшка нередко говорил: «Когда умру, приходите ко мне на могилку и рассказывайте все, как живому. Я помогу». После смерти батюшки один епископ сомневался, неужели отец Виталий был таким великим подвижником? И вот он видит во сне: стоят у престола Божия святой пророк Иоанн Креститель и преподобный Серафим Саровский и говорят: «Позовите отца Виталия! Ему нужно служить с нами Богу». Любовь отца Виталия и после его ухода в Горний Иерусалим неотлучно пребывает с нами на земле по слову святого апостола Павла: «Любовь никогда не перестает» (1 Кор. 13,8).

Перевод с грузинского священника Давида Соломонишвили, настоятеля Свято-Димитриевского храма с. Золотой Колодец Добропольского р-на Донецкой области

«ЖИВОЙ РОДНИК», №4(12), 2004

[1] Святейший и Блаженнейший Католикос Патриарх всея Грузии Илия II

[2] «За несколько лет до кончины отец Виталий сказал как-то своей духовной дочери схимонахине Ларисе (Вороновой): «За слезы сестер я из гроба протяну руку». Матушка Лариса эти слова запомнила и передала их сестрам, но тогда никто не придал им значения. Это чудесное событием стало тем утешением, которое Господь ниспослал всем, оплакивающим старца». Цит. по кн. «О жизни схиархимандрита Виталия». М.: Новоспасский монастырь. 2002. С. 137

Христианам о христианстве

из бесед с Кавказским пустынником

Любить Бога никакие дела не мешают

ВОПРОС: *Суета мешает...*

ОТВЕТ: Старец Силуан говорит: «Любить Бога никакие дела не мешают».

ВОПРОС: *А применимо ли это понятие к нашей современной жизни, особенно мирской? Ведь наш век отмечен особой суетой и безверием. Слышит ли современных людей Бог? Доступна ли им сегодня та «живая» молитва, о которой Вы говорите?*

ОТВЕТ: Господь печется о каждой душе. Нет такой души в мире, о спасении которой не заботился бы Господь. И потому Бог ***слышит*** современных людей и внимает их, пусть даже немощным, молитвенным обращениям.

Иногда мы спускаемся с гор в селение, останавливаемся у мирских людей, общаемся со здешними жителями. И порой мы просто удивляемся, насколько в таких осуетившихся, казалось бы, до предела людях теплится живая, искренняя вера. Бывает, заходит речь о житейских делах и скорбях, и простая мирская женщина говорит:

– Я пошла, помолилась, и Господь дал мне то-то и то-то.

Другая ей говорит:

– Как это Бог может нас услышать?

Но первая с уверенностью отвечает:

– Я стояла (столько-то времени), молилась, и Бог меня не услышит? Этого не может быть!

И, действительно, видишь: она получает то, о чем просила.

Господь заботится о каждом человеке, а о современных людях, может быть, даже больше, нежели о наших благочестивых предках, которые жили два или три века назад. Потому что те люди не имели таких соблазнов, не имели такой

развращенности нравов, не имели такого осуечения, такого пагубного окружения – можно даже сказать, духа злобы, который наполняет сейчас наше общество.

Ведь как растет и воспитывается нынешнее поколение? Бедные современные детки! Они уже с самого раннего возраста знакомятся со всевозможным злом, в том числе через телевизор и другие средства массовой информации. А, подрастая, они реализуют это зло в своей жизни. Видно, кто-то очень «старается», создавая все условия для развития беззаконий в современном человечестве. И потому сегодняшние детишки имеют в своих душах засеянного греха несравненно больше, нежели их сверстники, скажем, в XIX веке.

Но, несмотря на этот скорбный факт, отчаиваться не стоит. Как говорит старец Паисий Святогорец, хотя современные молодые люди и узнали все зло, все множество таких грехов, которых не знали прежние люди, тем не менее, они ***могут*** спастись, проявив и особое покаяние. Господь разными путями ведет их к этому покаянию, к осознанию своих отрицательных качеств, приобретенных ими еще в детстве.

В молитве ко причащению Симеона Метафраста[1] есть такие слова: «Идеже преумножится грех, преизобилует благодать Твоя».[2] Это значит, что несмотря на наше бедственное состояние – на то, что мы уже пропитываемся злом все больше и больше, Господь все-таки заботится о нас, умножая Свою благодать и преизобильно изливая ее на каждую заблудшую душу.

И эта забота проявляется даже тогда, когда человек уклоняется на какой-то ложный путь (идет к сектантам, проявляет интерес к экстрасенсорике, ищет духовности в восточных религиях). Однако если такой человек по-настоящему ищет цель жизни, искренним сердцем хочет познать: «В самом ли деле есть Бог и как с Ним можно и нужно общаться?» – то Господь такого человека ***никогда не отринет***. Он слышит все его, может быть, даже

---

[1] В некоторых современных молитвословах эта молитва опускается (*прим. ред.*).

[2] Ср.: Рим. 5, 20 (*прим. ред.*).

не совсем скромно высказанные желания и являет Свою милость.

Привелось нам как-то раз прочитать в одном православном журнале такое повествование:

«Некий человек-инвалид, по имени Сергей, за свою жизнь прочел множество книг на религиозные темы. Он вдумчиво конспектировал прочитанное, но все-таки никак не мог понять: где истина, как нужно верить и молиться?

В конце концов, устав от бесплодных раздумий, Сергей решил отправить все свои конспекты в мусорный ящик. Собрав бумаги в мешок, он мысленно произнес: "Какая религия сама правильная – пусть тот конспект ко мне вернется".

И произошло чудо. Буквально на следующий день знакомый Сергея, работающий дворником и грузивший мусор, принес инвалиду его записи о Православии: "Смотри-ка, что я интересное нашел! Возьми и почитай".

Сергей был удивлен и поражен. С этого дня он окончательно и без всяких сомнений стал православным...»[3].

Вот такими многообразными путями Своего Премудрого Промысла приводит Господь людей к вере и спасению – лишь бы сами люди искренне желали обрести Бога в своей душе.

А вот еще пример – случай, который произошел в наших местах с одной молодой женщиной.

Случилось так, что эта женщина, ее сестра и брат были соблазняемы иеговистами и уже склонились к общению с ними. Они начали доверять заблуждениям сектантов, в том числе, смотреть без веры и должного почитания на святые иконы.

Узнав об этом, мы попытались им как-то помочь. Дали им большие иконы Спасителя и Божией Матери (бумажные, патриархийного издания[4]), рассказали о необходимости почитания православных икон, о молитве Иисусовой, молитвах «Отче наш», «Богородице, Дево, радуйся» и других важнейших православных молитвах. Слава Богу – после нескольких наших бесед эти люди начали возвращаться в лоно Православной Церкви.

Когда же, по прошествии некоторого времени, мы вновь спустились в селение, женщина рассказала нам следующую историю: «В один из вечеров сидели мы на кухне, было нас человек десять...» Здесь, на Кавказе, существует такой обычай: собираются по вечерам на кухне родственники, соседи, друзья, знакомые, горит печка, и ведутся разные разговоры. «И вот, – рассказывает эта женщина, – они разговаривают между собой, а я сижу на стуле, смотрю на иконы и внутренне молюсь, Иисусову молитву читаю. Вдруг все как бы подернулось какой-то дымкой, я никого не стала видеть и никого не стала слышать. А молитва – такая сладкая и приятная... И вдруг за окном раздался голос: «У-у-у! Христиане, кому вы молитесь!.. вы бумажке молитесь!.. кому вы молитесь!..» Я встрепенулась, смотрю на всех – думала, что все слышат.

– Вы что-нибудь слышали?

– Нет, мы ничего не слышали. А что?

И я поняла, что кроме меня никто этого голоса не слышал».

Вот пример женщины-мирянки, которая, при ее искреннем желании молиться живо, получила такую молитву. Господь нелицеприятно дал ей этот молитвенный опыт. А раздраженный бес, злобясь на нее за то, что она оставила иеговистов и начала усердно молиться даже среди «кухонного базара», попытался разорить ее молитву своими богохульными выкриками.[5]

Господь слышит ***каждого*** человека, будь то монах, мирянин или неофит (т.е. новоначальный) – лишь бы человек искренне обращался к Богу. В какой форме – или Иисусову молитву он читает, или Псалтирь, или по молитвослову утренние и вечерние молитвы – это не столь важно. Нужна только ***искренняя, сердечная непосредственность***, можно сказать, детская обращенность к Богу. И Бог, будучи нашим Отцом, принимает обращение нашего сердца. Только нужно следить за тем, чтобы высказываемые нами желания были бы угодными Богу.

---

[3] Цитата приводится в пересказе автора. Цит. по: православный собеседник «Живой Родник». Донецкая епархия УПЦ МП, № 5(13), май 2004 г. (*прим. ред.*).

[4] Причину, по которой автор делает акцент на эту деталь, читатель поймет из дальнейшего повествования (*прим. ред.*).

[5] Однако и это произошло не без воли Божией – для укрепления веры этой женщины (*прим. автора*).

Из писем схиархимандрита Виталия

Христос воскресе!

Спаси, Господи, вас всех, что вы смиряетесь, никогда не ссоритесь, всех любите, все раздаете, хмельного не пьете, безпрестанно читаете: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного.

Кто читает Иисусову молитву, того спасет Господь, избавит от печати антихриста, подаст всепрощение согрешений, украсит добродетелями и в Небесные Обители водворит.

Покаюсь вам, что я делаю: правило не исполняю, выпиваю, ссорюсь и кричу, благословение не беру у родителей, у папы и мамы. Святитель Иоасаф Белгородский кланялся отцу в сане архиерея и благословение брал, ну а я, хвастун, быть бы хвосту – все ребра поотбиваю, тако грешу, простите.

Примечание: Отец Виталий часто прибегал к такой форме ласкового обличения, когда содержание письма надо было понимать наоборот, или приписывал грехи своих подопечных себе.

Иван Васильевич, липецкий блаженный

До 1928 года Иван Васильевич подвизался в служении, на которое был благословлен своим духовным отцом, священником Всеволодом Ковригиным, общаясь с ним лишь по переписке. Но вот подошел конец сроку административной высылки отца Всеволода.

С христианской радостью встретили любимого батюшку на земле Орловской. Случилось это не ранее осени 1928-го, так как известно письмо о. Всеволода Дюкановым еще из новосибирской ссылки, датированное 30 августа 1928 года.

Возрадовалось и сердце отца Всеволода, когда, прибыв в Малую Куликовку, увидел он воочию, что не безплодны были надежды его на то, что Иван Васильевич покажет себя виноградарем достойным.

А ведь это был страшный канун массовой коллективизации. Секретарь ЦК ВКП(б) Лазарь Каганович метал громы и молнии в своем директивном письме, где резко осуждалась недостаточная ретивость в процессе изживания религиозности, а собственно духовенство прямо объявлялось политическим противником коммунистов. ВЦИК издал постановление от 8 апреля «О религиозных объединениях», которое дало толчок новому массовому закрытию церквей. И среди вновь вздымавшейся волны антирелигиозной вакханалии чада священника Всеволода сохранили верность Церкви Христовой и Патриаршему престолу. «Ну, Иванушка, – сказал тогда служитель Божий, – ты всех бесов повыгнал из села!» «Слава Богу за все», – кротко ответил блаженный Иоанн словами свт. Иоанна Златоуста, как рассказывают об этом событии записки Г. В. Незведской.

А вот строки из подлинного письма о. Всеволода возлюбленному чаду своему *в духе и истине*: «Дорогой мой, милый Иванушка!.. Очень я рад, что Господь столь дивно благоустроил твою жизнь. И тебе она полезна, и ты для дела Божия тоже будешь полезен. А что может быть для нас отраднее на земле, как не то, что мы хоть чем-нибудь можем послужить делу Божию?... И вот ты призван Промыслом Божиим к тому, чтобы помогать Богу и Божиим людям, а наипаче – богоучрежденному священническому чину церковному, – и самим делаться святыми, и другим помогать достигать святости. Какой великий призыв получил ты, чадо мое милое, дорогое о Господе! Хотелось бы мне сказать что-нибудь на пользу тебе в этом новом положении. И что скажу? Сам Христос учит нас тому, как следует приходить, приступать и начинать великое дело помощи людям достижения святости».

Но недолгим было в этот раз общение отца и возросшего достойным его сына во Христе. Более того А. Ф. Дюканова, например, сообщает, что отъезд о. Всеволода в 1928 году из ссылки был полулегальным: «Как вспоминала тетя Поля, будучи в ссылке в Сибири, о. Всеволод сделал операцию какому-то начальнику и спас ему жизнь. В благодарность за это начальник отпустил его, и отец Всеволод поехал в Петербург, где скончалась его матушка Тамара». Правда, это воспоминание входит в некоторое противоречие с тем, что рассказывал сам Иван Васильевич. По его словам, матушка Тамара скончалась позднее, во время очередной ссылки о. Всеволода. Но сам факт приезда Ковригина в конце 1928 – начале 1929 года в Петербург, где находилась его семья, подтверждается и другими источниками.

В опубликованных воспоминаниях Николая Павловича Анциферова (1889-1958), петербургского историка и литературоведа, арестованного в апреле 1929 года, есть такие строки: «Был в камере священник отец Всеволод. Я смутно помню студента моего курса Ковригина, но он был естественник, биолог. Теперь он священник Ковригин. Всегда спокойный, всегда ясный». Известно, что в 1929-м отец Всеволод был арестован по делу контрреволюционной организации «Северный центр». После суда вновь сослан был на 3 года в Северный край. На этот раз местом ссылки стал Великий Устюг.

Как ни далек был Великий Устюг от Орловщины, но Иван Васильевич не только не потерял связи с духовным своим отцом, но и сделал все от него зависящее, чтобы утешить отца Всеволода во дни гонений. ***«Я периодически выезжал из города Орла к Ковригину в город Великий Устюг,*** – расскажет он позднее на следствии, – ***для оказания помощи как продуктами питания, так и денежными средствами. Кроме того, на собранные деньги среди приверженцев священника Ковригина мною был куплен дом в городе Великий Устюг для проживания Ковригина с его семьей»***. И далее Иван Васильевич сообщает: ***«Жена Ковригина – Тамара Васильевна умерла в городе Великий Устюг в то время, когда Ковригин отбывал там ссылку. Их дети – Ковригин Алексей и Димитрий после смерти матери были привезены в город Ленинград к родственникам Ковригина... мне ничего не известно об их дальнейшей судьбе»***.

«А где в Орле в эти годы Вы проживали и чем занимались?», – интересуется следователь на допросе

Духовные дети отца Всеволода Ковригина (в центре) и его келейник – Иоанн Васильев (в меховой шапке в заднем ряду), которому было доверено их окормление в годы пребывания отца Всеволода в ссылке. Фото 1928 года

10 мая 1950 года. ***«Несмотря на то, что имел формальную прописку в доме Назаровой Александры Анатольевны*** [бывшей церковной старосты, одной из духовных чад о. Всеволода, активно помогавшей Ивану Васильевичу собирать средства в помощь духовному отцу – Л. М.], ***проживающей в то время по Чернышевскому переулку, д. № 55, проживал я периодически и у своих приверженцев Дюканова Ивана Борисовича и Ляхова Федора Ивановича, которые и оказывали мне материальную помощь для существования. Занятие мое сводилось к тому, что я продолжал монашеский образ жизни и продолжал идейно вдохновлять участников нелегальной церкви»***, – безхитростно и прямо отвечал дознавателю Иван Васильевич.

В 1931-м новые испытания ниспосланы были о. Всеволоду. Ему ужесточили условия пребывания в ссылке, направив в селение Усть-Кулон (Коми АССР). И вновь освященная Христом Богом *любовь между собою*, по коей узнаются *Его ученики* (Ин. 13, 35) преодолела сотни километров и иные преграды, воздвигавшиеся на пути *верных*. В Коми АССР Иван Васильевич ***«ездил и только один раз»***. Как он объясняет это: ***«Местные власти мне не позволили там остановиться на жительство...»***.

Предположительно, подобные строгости связаны были с тем, что, первоначально Ковригина поместили на поселение со строгим лагерным режимом. На это, возможно, указывает трогательное предание, записанное Г. В. Незведской со слов келейницы Ивана Васильевича матушки Параскевы (Мешковой): «Прибыв на место, где размещался лагерь с заключенными, окруженный стражей, непроходимой стеной ограждения, сторожевыми башнями, собаками и проволокой... Иван Васильевич, помолившись Богу, прошел незамеченным мимо сторожей в глубину расположения лагеря, нашел Духом, барак, где сидел о. Всеволод с другим священником, и, к удивлению и изумлению обоих батюшек, открыв дверь, появился на пороге. Повидавши о. Всеволода и доставив заключенным необходимые вещи, провиант и гостинцы, Иван Васильевич, невидимый для стражи, прошел обратно из лагеря во внешнее расположение и... благополучно сел в поезд и прибыл домой».

Предание это известно и в других вариантах. Так, по одним сообщениям охранники приняли Ивана Васильевича за одного из ссыльных поселенцев, по другим – «что это дворник расхаживает поутру».

Из личного письма Ковригина Ивану Васильевичу от декабря 1932 года, оригинал которого сохранился, известно, что к этому времени о. Всеволода опять перевели на менее строгий режим содержания: «Уезжать же отсюда имеет для меня смысл только в том случае, если бы это нужно было для дела. А если для меня, то, пожалуй, можно мне и остаться здесь. Живу я все также, тихо и почти безвыходно из своей келии. Особых дел у меня никаких нет. Шил одно время матрацы, но теперь заказы прекратились из-за отсутствия материала, и я опять сижу со своими книжками».

В это время овдовевший о. Всеволод все более склоняется к принятию монашества. Но тогда время еще не наступило. «Одно мне печально, это то, что не исполнилось мое желание принести Господу Богу обеты мои. Устюжский [архиепископ Софроний (Арефьев) с 14 декабря 1927 года по 9 марта 1932 года на Великоустюжской кафедре – Л. М.] готов был разрешить это, но Ленинградский [священномученик Серафим (Чичагов) с 19 февраля 1928 по 11 августа 1933 митрополит Ленинградский и Гдовский – Л. М.], как ты знаешь, благословил подождать», – пишет о. Всеволод.

Цитируемое письмо, пожалуй, последнее свидетельство непосредственного общения о. Всеволода и возлюбленного его Иванушки. Как сообщал сам Иван Васильевич, со времени ссылки Ковригина в республику Коми, он ***«окончательно потерял связь со ссыльным священником Ковригиным»***.

Год 1932-й стал для Ивана Васильевича первым из предстоявших 18 лет жизни на полулегальном положении. В 1932-ом репрессии обрушились и на молитвенников из Малой Куликовки...

(Продолжение следует)

Л. МОРЕВ

НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ

ЗАПОВЕДИ БЛАЖЕНСТВА

в изречениях и делах святых отцев, живших в IV и V веках

Не пецытеся убо, глаголюще: что ямы, или что пием, или чим одеждемся; всех бо сих языцы ищут: весть бо Отец ваш Небесный, яко требуете сих всех. Ищите же прежде Царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам. Не пецытеся убо на утрей, утрений бо собою печется: довлеет дневи злоба его (см. Мф. 6, 25-34).

Трудами снискивай себе необходимое для здешней жизни; но в трудах соблюдай покой, необходимый для молитвенного настроения духа и прочих дел благочестия.

Помни, что если дело Божие будешь почитать главным делом, то легко и удобно будет тебе делать все нужное для себя.

Не малодушествуй, говоря: что будет завтра? Лучше думай и ежедневно говори о том, что сегодня, что в настоящий день и час.

Помни, что неумеренная забота о завтрашнем дне осуетит тебя.

(Продолжение. Начало в № 22-45)

Рассказывали об Авве Иоанне Колове: сказал он однажды старшему своему брату: я решился не иметь никаких забот, как не имеют их Ангелы, которые ничего не работают, а непрестанно служат Богу – и, скинув с себя одежду, пошел в пустыню. Прожив там одну неделю, возвратился к своему брату. Когда постучался в двери, брат узнал его, но, не отворяя дверей, спрашивает его: кто ты? Он сказал: я Иоанн, брат твой. Брат отвечал ему: Иоанн стал уже Ангелом и его нет между людьми. Иоанн упрашивал его и говорил: это – я. Но тот не отворял ему, а оставил его скорбеть до утра. После, отворив ему двери, сказал: ты человек, и тебе нужно опять работать, чтобы пропитать себя. Иоанн поклонился ему и сказал: прости мне.

Один брат пришел к Авве Силуану в гору Синайскую. Увидев, что братья работают, он сказал старцу: *делайте не брашно гиблющее* (Ин. 6, 27), *Мария же благую часть избра* (Лк. 16, 22). Старец сказал своему ученику: Захария! подай брату книгу и отведи его в пустую келью. Когда наступил девятый час, брат прислушивался у двери, не посылают, ли звать его в трапезу. Но как никто его не звал, он сам, встав, пошел к старцу и говорит ему: Авва! ужели братья сегодня не ели? Ели, – отвечал старец. Почему же не позвали меня? – опять спросил брат. Потому, – отвечал старец, – что ты человек духовный, и не имеешь нужды в такой пище; а мы, как плотские, хотим есть и потому работаем. Ты избрал благую часть, читая целый день, и не хочешь вкушать плотской пищи. Брат, выслушав сие, поклонился старцу и сказал: прости меня, Авва! Тогда старец говорит ему: так и Мария имеет нужду в Марфе; ибо и Мария похваляется из-за Марфы.

Один брат спросил Авву Пистамона: что мне делать? Тяжело мне продавать свое рукоделие! Старец отвечал: и Авва Сисой, и другие продавали свои рукоделия. В этом вреда нет. Но когда ты продаешь, зараз назначь цену вещи, а после в твоей власти будет, если захочешь, немного и сбавить цены. Таким образом, ты будешь спокоен. Брат опять спросил его: если я имею все нужное для себя, откуда бы то ни было, то велишь ли заниматься рукоделием? Старец отвечал: хотя бы ты имел все нужное, не оставляй своего рукоделия. Делай, сколько можешь, только спокойно.

Авва Сисой говорил: будь смирен, отвергайся своей воли, ни о чем (земном) не заботься – и ты будешь спокоен.

Сказывали об Авве Агафоне, что он был мудр по уму, не ленив по телу, во всем знал меру – в рукоделии, пище и одежде.

Авва Пимен говорил: три телесные подвига замечаем мы у Аввы Памво: ежедневный пост до вечера, молчание и большое рукоделие.

Рассказывали об Авве Агафоне и об Авве Аммуне, что когда они продавали какую-либо вещь, однажды назначали цену и, когда давали им ее, принимали молча и спокойно. Также, когда хотели что-либо купить, молча платили назначенную цену и брали вещь, не говоря ни слова.

Авва Исаак рассказывал: в молодости жил я с Аввою Кронием. Он никогда ничего не приказывал мне делать. И хотя уже был стар и весь трясся; но сам вставал и подавал сосуд с водой и мне и всякому. Жил я и с Аввою Феодором Фермейским; и тот никогда не заставлял меня ничего делать, но сам приготовлял трапезу и говорил мне: брат! ежели хочешь, иди – ешь. Я говорил ему: Авва! я пришел к тебе, чтобы получить пользу; почему же ты не приказываешь ничего делать? Но старец всегда молчал. Я пошел и сказал об этом старцам. Они пришли к Авве и сказали ему: Авва! брат пришел к твоей святости, чтобы получить для себя пользу; почему же ты ничего не заставляешь его делать? Старец отвечал им: разве я начальник общежития, чтобы ему приказывать? Конечно, я ничего не говорю ему; но если хо-

чет, пусть делает то, что при его глазах делаю я. С того времени я предварял старца и делал то, что он хотел делать. Сам же он, если что делал, то делал молча, и, таким образом, научил меня делать молча.

Брат спросил Авву Моисея: что помогает человеку во всяком труде его? Старец отвечал: Бог помогает. Ибо написано: *Бог нам прибежище и сила* (Пс. 45,2).

Авва Серин говорил: во всю жизнь мою жал я, шил и плел; но при всем том, если бы рука Божия не питала меня, не мог бы я прокормиться.

Авва Иоанн Евнух еще в молодости спросил одного старца: как вы могли совершать дело Божие так спокойно, а мы и с трудом не можем? Старец отвечал: мы могли потому, что дело Божие почитаем главным делом, а нужды телесные – последним; а вы нужды телесные почитаете главным делом, дело же Божие не слишком необходимым, от того вам и трудно. Посему-то и Спаситель сказал ученикам: *маловери, ищите прежде Царствия Божия и сия вся приложатся вам.*

Авва Феодор Фермейский пришел однажды к вышеупомянутому Иоанну и между разговором сказал: когда мы жили в Скиту, заняты души были для нас делом, а рукоделие почитали мы как бы прибавлением к делу: а ныне занятия души сделались как бы прибавлением к делу, а прибавление самым делом.

Один брат спросил Авву Феодора: что это за дело души, которое ныне почитаем мы как бы прибавлением к делу, и в чем состоит это прибавление, которое почитаем ныне за дело? Старец отвечал: все, что бывает по заповеди Божией, есть дело души, а что работаем и собираем по собственному рассуждению, – это должны мы почитать прибавлением к делу. Объясни мне сие дело, – сказал брат. Старец отвечает: вот, например, слышишь ты, что я болен, и ты должен посетить меня, но говоришь сам в себе: оставить ли мне свое дело и теперь же идти к нему? Нет, я прежде окончу свое дело, а потом пойду. А между тем тебе представится случай к другому делу и ты, может быть, вовсе не придешь. Еще, другой брат говорит тебе: помоги мне, брат! Но ты рассуждаешь: должно ли мне оставить свое дело и идти работать с ним? Если же ты не пойдешь, то оставляешь заповедь Божию, т. е. дело души, и делаешь прибавление, т. е. рукоделие.

Спросили Авву Пимена: к кому относится слово Писания: *не пецытеся на утрей*? Старец отвечал: оно идет и к человеку, который находится в искушении и малодушествует, – чтобы он не заботился и не говорил: сколько времени я пробуду в сем искушении? Но лучше ему думать и ежедневно говорить о том, что сегодня.

Православные мысли на каждый день

Кротость – выражение внутреннего благодушия

Кротость ваша да будет известна всем человекам. Господь близ (Флп. 4, 5)

Очень многие христиане не считают кротость необходимой добродетелью, находя, что это только дело внешности. Если плод сладок, говорят они, кому какое дело, что древесная кора бывает груба? Какое значение имеет резкость в обращении, когда мы знаем, что под нею кроется доброе сердце, чистая совесть и честные побуждения? Однако апостол Павел, сам человек порывистый и подчас вспыльчивый, почти в каждом своем послании говорит о необходимости проявления кротости в чувствах и в действиях. Это внешность, положим, потому апостол Павел хочет, чтобы кротость наша была всем известна, чтобы она составляла отличительную нашу черту точно так же, как и Спаситель указывает на любовь, отличающую Его последователей: *Потому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13, 35).

Вспомним же и мы, что Господь близко. И, постоянно сознавая Его присутствие, проникаясь Его духом неизменной кротости, будем остерегаться нетерпеливым словом оскорбить кроткий образ Спасителя. Пусть кротость наша не будет одной только внешней сдержанностью, а выражением внутреннего благодушия, присущего каждому истинному христианину.

Знаменский монастырь возрождается

Указом императора Александра I

Глава 7

Епископ Орловский и Севский Досифей (Ильин), освятивший в 1813 году году новопостроенную каменную церковь с главным престолом во имя Курской иконы Божией Матери, именуемой «Знамение», неспроста два года спустя особой резолюцией определил управительнице Каменногорской общины Матроне Солнцевой, формально остававшейся в мирском звании, принять монашеский постриг. Попечением правящего архиерея и хлопотами ельчан появилась возможность наконец-то возобновить некогда упраздненный Знаменский девичий монастырь в Ельце.

Как раз в 1815 году «Елецкий градский голова купец Иван Васильевич Шапошников с прочими елецкими почетными гражданами от дворян купцов и мещан, числом до 64 человек, подали прошение на имя Его Преосвященства преосвященного Досифея, епископа Орловского и Севского и Кавалера, в коем они...» просили правящего архиерея поддержать перед Синодом их прошение о возвращении статуса монастыря общине молитвенниц, подвизавшихся на Каменной горе.

Просьбу свою знатные люди елецкие аргументировали тем, что община из вдов и сирот «ради безмолвной жизни», собравшаяся на месте сгоревшего некогда, а потому и упраздненного монастыря, стала весьма велика числом. Вокруг все еще числящейся приходской церкви на Каменной горе выстроено было более 40 келий, в которых спасались от суеты мирской «человек до 60». Но главное: «они все руководствуются по единодушному согласию правилами прочих монастырей, снискивая пропитание как своими рукодельями и другими полезными занятиями, так паче усердным благотворением Елецких жителей». Обещали просители не оставлять каменногорских матушек благотворением и далее. Так сам И. В. Шапошников обещал внести на счет будущей обители около 12 тысяч рублей серебром. Приход с Каменной горы просители рекомендовали приписать к располагавшейся поблизости Христорожденсвенской церкви.

И 31 января 1816 года последовал указ Орловской духовной консистории за № 88, запрашивавший от Елецкого духовного управления официального подтверждения того, что сообщалось в прошении «мирян». Затем последовало «выправление» необходимых «бумаг», временно приостановившееся из-за смены правящих архиеерев. 22 июля 1817 на кафедру Орловскую и Севскую поставлен был поставлен епископ Иона (Павинский). При нем и был фактически окончательно решен вопрос о возобновлении Знаменского монастыря.

В «1818 году, – как сообщает о том иеромонах Геронтий, – от разносословных почетных жителей города Ельца – за собственноручным их подписом последовала о том официальная просьба в Св. Синод, который тогда же, чрез господина Министра Духовных дел и народного просвещения, всеподданнейше поверг при своем докладе прошение ельчан на всемилостивое воззрение Всепресветлейшего Державнейшего Великого Государя императора и Самодержца Всероссийского Александра Павловича».

К прошению прилагались справки, собранные «Синодом посредством Орловского епархиального и гражданского начальства по сему предмету».

Из этих документов следует, что деревянная церковь Рождества Богородицы, сооруженная на пожарище в 1771 году, обветшала до такой степени, что, видимо, была окончательно закрыта. Справки упоминают на Каменной горе лишь Знаменскую «приходскую церковь» с тремя приделами и колокольней «каменнаго здания». «Оная церковь состоит в твердости; церковным благолепием довольно украшена; священноцерковнослужительскими облачениями, книгами и утварью церковною снабжена неоскудно; и покрыта железом».

«Под церковью и под кельями земли одна десятина 219 квадратных саженей, – цитирует далее не сохранившиеся до наших дней документы о. Геронтий. – Келий устроено 46, а живущих в них разного звания вдов, девиц и сирот находится 117, и из коих многия имеют от своих начальств увольнения и в том числе показаны четыре монахини; препятствий от гражданскаго правительства к учреждению на сем месте женскаго монастыря не оказалось».

На содержание будущего монастыря купцом Шапошниковым к тому времени уже внесены были в сохранную казну Московскаго воспитательнаго дома на вечное обращение 38 тысяч рублей ассигнациями (почти те самые 12 тысяч серебром, в пересчете по курсу). Деньги были положены с расчетом, что проценты с них соста-

вят 1900 рублей в год и дадут возможность выделять на содержание двух священников и двух причетников 600 руб., а остальные «обращать на содержание монастыря». Сверх того другие купцы согласны были «внести в пользу того же монастыря 1745 рубей, когда потребуется».

Руководство Орловской епархии, поддерживая обращение к Синоду и Императору, обращало внимание на то, что женских монастырей 3-его класса на подведомственной кафедре территории имеется всего два, в Орле – Введенский, в Севске – Троицкий. Причем, на их содержание казна тратит ежегодно около 900 рублей на каждый. Таким образом, выделенного Шапошниковым для обители такого класса будет более, чем достаточно.

Подводя итог, Орловская духовная консистория замечала, что считает все вышеперечисленное «довольным основанием к восстановлению женскаго монастыря», и для лучшаго «в душеспасительной жизни устройства и призрения вдов и девиц, полагает учредить сей бывший Елецкий монастырь по- прежнему и в нем иметь монашествующих такое число, какое положено в третьеклассных женских монастырях, т. е. 17, с производством... жалованья из числа процентов со внесеннаго капитала».

Синод против предложенного также возражать не стал, указав быть на Каменной горе «штату монахинь... согласно с предположением Орловскаго Епархиальнаго начальства, положеннаго в третьеклассных женских монастырях, т. е. Игуменье, Казначее и 15 монахиням; существовать оному на праве общежития».

1900 рублей Синодом были распределены не совсем так, как предполагали ельчане. «Имеющим быть при церкви сего монастыря двум священникам и двум причетникам определить в жалованье 900 рублей, из коих по 300 рублей получать священникам, а по 150 рублей – причетникам, так как при церкви других выгод, содержание их обезпечить могущих и даже земли не имеется». «Остающиеся затем проценты со взнесеннаго в сохранную казну капитала – 1000 рублей – обратить на содержание и в пользу общежития монастыря по распоряжению игумении».

Государь-император находился в то время за рубежом, в Италии. Туда, в Верону, и были доставлены документы по Знаменскому монастырю. Ознакомившись с ними, Государь начертал: «Быть по сему. Александр. Верона, октября 28, 1822 года».

Император Александр I

А 18 декабря того же года, за № 7524 вышел указ Святейшего Синода, сообщавший о возобновлении Елецкого Знаменского девичьего монастыря как общежительного, 3 класса.

Претворять в жизнь положения этого указа довелось уже епископу Орловскому Гавриилу (Розанову), вступившему на кафедру 18 сентября 1821 года.

Указом Орловской духовной консистории от 26 Марта 1823 года за № 850 настоятельницею нового монастыря была назначена игумения Глафира (Таранова). Что же касается рясофорной монахини Маргариты (Солнцевой), управлявшей общиной ранее, то, как замечает епископ Макарий, игуменский жезл не был ей вручен «по старости ее лет». Но, по открытии монастыря в г. Ельце на Каменной горе, была она удостоена пострижения в мантию, «с переименованием Олимпиадою».

Иеромонах Геронтий так сообщает, что: «преосвященный епископ Гавриил, избрав по своему усмотрению в Орловском Введенском женском монастыре более достойную по духовной жизни и опытную в житейских делах монахиню Глафиру, находившуюся до сего в должности казначеи означенного монастыря, озаботился немедленно послать оную с производством ее в сан игумении в новоучрежденный Елецкий Знаменский девичий монастырь».

Игуменья Глафира происходила из семьи орловского посадского человека Феодора Таранова. Родилась в 1763 году, во святом крещении наречена была Гликерией. В монашество с именем Глафиры пострижена 8 мая 1804 года в Орловском Введенском девичьем монастыре. Проходила послушание клиросное. В 1812 году назначена на должность казначеи Введенского монастыря. К моменту назначения в Елец уже имела и опыт настоятельского управления, так как с 15 марта по 14 июля 1821 года, за болезнью настоятельницы – игумении Анисии, управляла Введенским монастырем.

При переезде в Елец игумении Глафире разрешено было взять с собой «пожелавших» матушек из Введенской обители. И с ней «выехали из Орловского Введенского в Елецкий Знаменский девичий монастырь девицы: Матрона Иванова, Татьяна Игнатова, Дарья Никифорова, Надежда Осипова и вдова Мария Иванова, дочь Савушкина».

По прибытии же на место назначения велено было новопоставленной настоятельнице «взойти самым бдительнейшим образом в рассмотрение состояния всех тех жен и девиц, живших доныне на месте учрежденной обители и отрапортовать которыя из них найдутся желающими тут остаться и притом и достойны». А также – «из числа сестер, уже указом определенных, избрать с общаго согласия казначею и на утверждение представить». Но из сестер, бывших на Каменной горе, подобрать подходящую ответственной должности, видимо, не удалось и 31 декабря 1823 года Знаменской казначеей, указом Орловской духовной консистории № 3985, назначена была монахиня Анфия, переведенная из Севского монастыря.

(Продолжение следует)

Л. МОРЕВ

Схиигумен Митрофан

Из воспоминаний духовных чад...

Часть 3

Когда к батюшке приходил новый послушник или послушница, он всегда знал, что из них получится. Например, скажет: «Этот Иван ни людям, ни нам», – значит, не будет от этого человека толку.

Однажды только пришел батюшка со службы, как три женщины привели к нему парня, по имени Иван: «Батюшка, прими его в послушники. Он девственник у нас. Мы хотим, чтобы он монашество принял», – это были мать и две тетки Ивана. Но батюшка сказал им: «Ему уже в армию пора – вот вы его отправьте, да скажите, чтобы он писался там. А когда его из армии выпроводят, вот тогда посмотрим, куда его – будем молиться Матери Божией, чтобы Она указала путь». Те поступили, как велел им батюшка, и на следующий раз пришли уже чуть ли не с требованием: «Принимай парня!» – сделали земной поклон, как положено при поступлении под руководство старца. Батюшка отказывался: «Нет, нет, нет! Я сейчас не буду его в послушники принимать!» Но они настояли: «Как хочешь, но оставляй его у себя!..» Недаром отец Серафим не хотел принимать Ивана в послушники: через год тот нашел себе женщину.

Однажды, когда Иван еще был у батюшки в послушании, отец Серафим взял его с собой на требы. Батюшка шел и помахивал вправо-влево хворостиночкой, что была у него в руках. Иван удивился: «Батюшка, чего это ты так делаешь?» Отец Серафим ответил: «Это твоя жизнь такой будет – вилять станешь». Батюшкины слова оказались пророческими.

Рабам Божиим Анне, Пелагее и Валентину батюшка рассказывал видение: «Иду по лугу. Вдруг голос свыше мне говорит: «Ложись». Я лег вниз лицом, и долго со мной разговаривал чей-то голос». А о чем разговаривал, батюшка не сказал. Валентину же (впоследствии – игумену Варсонофию) батюшка предсказал, что тот будет священником, и заранее подарил ему иерейское облачение.

Батюшка, в первый раз увидев Валентина, когда тот подошел к нему под благословение, сказал ему: «...А ты ко мне приезжай». Валентин начал ездить к нему в Ячейку, стал верным духовным чадом и послушником отца Серафима. Приезжал почти каждый выходной. От Перелешина до Ячейки ему нужно было долго идти пешком, но юношу это не смущало. А батюшка, еще задолго до того, как придет Валентин, уже высматривал его из окна. Лишь только Валентин появлялся, батюшка выходил из алтаря на паперть встречать его.

Испытывал его батюшка поразному. Как-то, чтобы проверить его послушание, велел ему нигде не работать. Время было советское – парня начали преследовать и соседи, и милиция, и ОБХс, вызывали, приходили домой... Валентин жил, что называется, «на нервах». В очередной раз приехав к отцу Серафиму, решил: «Скажу батюшке, что больше не могу». Но тот его так тепло и с любовью встретил, что скорбь была позабыта. В следующий раз юноша снова решил пожаловаться батюшке, что жить так более невозможно, но опять не получилось... Так 8 месяцев Валентин выполнял послушание. Потом батюшка благословил его помогать в алтаре на службе...

Спустя некоторое время юноша решил поступать в Одесскую семинарию. Собрал документы, подал заявление – его приняли.

Когда он в очередной раз приехал в Ячейку, схимонахиня Михаила подсказала: «Валентин, скажи батюшке: "Батюшка, как благословишь, так и будет: если благословишь – поеду учиться, не благословишь – не поеду"». Он: «Ах, да, конечно! Как батюшка скажет, так и поступлю!» А батюшка не благословил: «Все тут получишь! Все тут!..» За послушание Валентин взял документы назад.

Брату Валентина отец Серафим предсказал: «Лучше бы тебе по монашескому пути пойти. Но если ты все же женишься, то Господь тебе пошлет больную жену – она будет лежать, а ты будешь работать. Но лучше бы тебе не жениться...». Тот не послушал батюшку. Впоследствии все в точности случилось, как предсказал отец Серафим: жена болела, а муж работал.

Приезжая к сестре, Валентин рассказывал ей про батюшку: «Он всю ночь не спит! То молится, то поглядывает, кто во сне разделся – укрывает», – жалел батюшка своих послушников, жалел...

Послушание и доверие к отцу Серафиму было у Валентина безгранично. Как-то собирается он идти куда-то с батюшкой – матушки осведомляются: «Далеко вы?» Он отвечает: «Не знаю – я у батюшки не спрашивал. Мне он однажды сказал: "Если ты спросишь у меня, то лукавый будет знать и устроит пакость"». Валентин с первого раза это усвоил и с тех пор никогда не спрашивал. А если кто-нибудь, встретив отца Серафима

на дороге, интересовался у него: «Батюшка, ты куда?» Тот отвечал: «Оттуда и туда».

О молитве батюшка говорил Валентину так: «Надо молиться не телом, а душой. Когда душа соединяется с душой, тогда и Бог там. А если у меня времени нет, и я буду молиться машинально, «лишь бы отчитаться» – что толку? А вот когда я молюсь душой, духом, то Он мне все открывает. Душой надо молиться».

Сестре Валентина было 22 года, когда она вдруг заболела. Заболела тяжело – думала уже, что умрет. Приехала она к батюшке, отстояла литургию, а в конце он вынес крест и говорит: «Маловерная, ну, совсем собралась умирать!» Народу в храме было много – она подумала: «Ну вот, кто-то еще, наверно, собрался умирать – не я одна». Подходит ко кресту, а батюшка ей: «Маловерная, ну, совсем собралась умирать!» И она после этого прожила еще довольно долго.

Семью Валентина за то, что у них частенько собирались верующие, очень притесняли соседи: писали в милицию, устраивали скандалы в коммунальной квартире, хотели и совсем выселить... Домашние Валентина рассказали об этом батюшке. Однажды он пришел к ним в гости и спросил: «Ну, покажите, где у вас соседская комната». Ему показали. Он перекрестил соседскую дверь большим крестом и сказал: «Они вперед вас уйдут!» И через год-полтора соседям дали отдельную двухкомнатную квартиру. Но прежде, чем переехать, они еще долго возмущались и скандалили, ломились в дверь с криком: «Попы! Монахи!» – выходили из себя, не хотели уходить – хотели во что бы то ни стало выселить семью Валентина.

Сестре Валентина надо было пройти медкомиссию, чтобы оформить инвалидность. Как-то она пожаловалась батюшке: «Помолитесь, а то там одна на меня страшно кричит!» Батюшка обещал помолиться. На следующий день сестра пришла с радостным известием, что на нее уже больше так не кричали и дали ей, наконец, группу инвалидности...

Мария из Тишановки рассказывала:

– Были у нас соседи. Они старше меня – и все поучали: «Этого не делай, того нельзя, это грех... Собак, – говорили, – держать нельзя – это бесы...». Настраивали меня, чтобы я собаку свою не кормила: «Убей ее! Собака – это бес! Что ты бесов кормишь?!» Раз так сказали, два, три... Мне стало стыдно перед ними – я и перестала ее кормить. И пить не давала. Лето, ей жарко – она прибежит, язык высунет: пить хочет. А я ей ни есть, ни пить не даю – такое на меня затмение на-

шло. А батюшке про это не говорила... И вот пришли мы однажды к нему, и тут откуда ни возьмись – собака! Я хотела у батюшки что-то спросить, а он полез в карман, смотрит на меня и говорит: «Эх, мое дите! Преподобный Серафим в лесу жил и всех зверьков кормил!» – вынимает из кармана хлебушек и дает собаке. Я не знала, куда деваться – прям хоть ночью беги до своего двора! А когда пришла домой, наварила собаке каши, пить налила и так по сей день, конечно, и кормлю.

Бывало так, что батюшка буквально «слышал» мысли людей. Об этом – следующий случай. После праздника Троицы он обычно сам раздавал троицкую травку прихожанам. Приехала однажды на праздник раба Божия Мария, хотела тоже взять травы из батюшкиных рук, как вдруг увидела, что перед ней к отцу Серафиму стоят еще три человека, и, расстроившись, подумала: «Вот еще мужчина впереди встал, – она была очень мала ростом и любой человек чуть выше среднего роста для нее казался громадным, – и мне теперь не достанется травки от батюшки!» А у того в руках оставался совсем небольшой пучок травы. Как вдруг батюшка заглянул за мужчину и протянул Марии остававшуюся у него в руках травку! «Ну, кто ему подсказал?!» – удивлялась потом она.

Однажды в селе Ясырках был престольный праздник. Прибыло очень много народу, ждали приезда отца Серафима. Вскоре его привезли на лошади. Люди стали по обеим сторонам, стараясь кто благословение взять, кто что-то спросить: знали, что он великий старец. Тут же в толпе стояла одна видная женщина – высокого роста, статная. И она издали спросила у отца Серафима: «Благословите мне читать по усопшим Псалтирь?» Батюшка посмотрел на нее строго и произнес: «Прекрати отбирать молоко у кормящих матерей и у коров! Оставляешь младенцев без молока!» Женщина эта сразу сникла, притихла.

Случаи прозорливости батюшки Серафима неисчислимы. Заболела однажды раба Божия, у которой было три дочери. Врачи велели ей ложиться на операцию. Одна из дочерей, Мария, пошла к отцу Серафиму, чтобы спросить, как он благословит: ложиться ли маме на операцию или нет? «Батюшка, тут вот девочка к тебе пришла», – позвала его матушка Паисия. Он вышел, внимательно посмотрел на Марию, взял ее за плечи и вдруг произнес: «Детинька моя, гляди – за троюродного брата не ходи замуж! Мама-то твоя умница: вытурила "жениха" – так и надо с ними поступать! Нельзя, детка моя, родственникам жениться до 4-го колена, а то дети их потом наказаны будут! А если не будут дети наказаны, в будущей жизни мужу и жене – ад вечный!» Мария опешила: откуда батюшка мог знать, что накануне ее сватал троюродный брат?! Немного придя в себя, спросила: «Батюшка, а вот маме хотят операцию делать...». Он ответил: «Я напишу записку отцу Николаю (Овчинникову) – вы к нему поеде-

те, и он сделает твоей маме операцию». – «Батюшка, да у нас денег нет», – огорчилась Мария. – «А он безплатно сделает. Маме будет хорошо – она останется жива... А ты с женихами будь осторожней».

Та же Мария, став впоследствии духовным чадом батюшки, неоднократно была свидетельницей прозорливости отца Серафима. Как-то он сказал ей: «Бес возле тебя вертится – такие и такие мысли тебе принес», – и перечислил все помыслы, которые были в то время у Марии.

Жила она в Покровке, а ездила на работу за два километра от своего села – в Сталинское. Вечером в субботу приезжала домой, собиралась и в ночь шла пешком с сестрами к батюшке в Ячейку на службу – 21 километр.

– Утром подходим, – рассказывала она, – уже начинают звонить. Мы: «О, слава Тебе, Господи!» У знакомых быстро переоденемся – и на службу. А как домой после службы идти – нам батюшка все предскажет, расскажет, какие предстоят искушения...

Однажды он дал ей огромный болгарский перец. Мария, зная, что лук, чеснок и прочие горькие «приправы» отец Серафим обычно дает к скорбям, стала отказываться. «Ну, как хочешь, – сказал батюшка. – Бери – не бери, а он твой». Через несколько дней на работе по вине пьяного шофера Мария на всей скорости вылетела из кузова грузового автомобиля, пролежав после этого 3 месяца в больнице. «Вот тебе и перчик!» – вспоминала потом она.

В другой раз, когда Мария собиралась идти после службы домой, отец Серафим протянул ей громадную луковицу размером с будильник – и спустя некоторое время ее чуть не затянуло в комбайн, перемалывавший свеклу на силос. Спасла только быстрая реакция комбайнера, который успел вовремя дернуть за рычаг... Приходит Мария к отцу Серафиму, а он встречает ее со словами: «Ну, слава Богу, Маньк! Жива осталась!» Она: «Батюшка, да что же это такое?! Я больше у вас никогда такой гостинец не возьму!» А он в ответ: «И правда: чего это я тебе то перчик, то лук! На вот Спасителя!» – и с тех пор с ней ничего подобного больше не случалось.

Сестре ее, Екатерине, он однажды сказал: «Ты на этой неделе вот

Храм в честь святого Архангела Михаила в с. Ячейка Эртильского р-на. Фото 2005 г.

такой грех совершила, такой грех сделала... Вот такое добро сделала...». Она изумилась: «Батюшка, да откуда же ты все знаешь?! Скажи мне». Отец Серафим сначала отнекивался, пытаясь прикинуться больным на голову, но по неотступности Екатерины, наконец, рассказал: «Когда наступает вечер, ангелы и бесы моих духовных чад приходят ко мне и все рассказывают: ангелы – о добрых делах, а бесы – о злых». «Батюшка, да как же Вы бесов-то не боитесь?!» – поразилась Екатерина... Однажды она увидела, как в алтаре во время службы отец Серафим делал движение ногой, как будто пинал кого-то. «Батюшка, чего это Вы там так... ногой?» – спросила она после службы. «Да бес под дорожку влез, а я его выгонял», – ответил батюшка.

Отец Серафим предсказал семье Екатерины и Марии, что на них ополчатся соседи, предсказал, что отнимут огород (как раз перед посадкой) – все сбылось.

Однажды приехали гости из Челябинска, приезд которых батюшка предсказал заранее. В комнате было жарко – и гости разделись до маек. «Я гляжу, – рассказывала после подававшая на стол еду Екатерина, – а у них наколки: у одного – Ленин, у другого – Сталин!..» После их отъезда батюшка повел ее в комнату, где обычно отдыхал: там в углу стояла буквально гора консервов, привезенных гостями.

– Кать, ты сейчас тут что-нибудь видишь? – спросил отец Серафим.

– Вижу.

– Что?

– Банки.

– А еще чего видишь?

– А больше, батюшка, ничего не вижу – одни банки консервные.

– А ты видишь, как они копошатся?

– Нет, батюшка, не вижу! – изумилась Екатерина.

– Все до одной банки переворачиваются, копаются, копошатся.

Отец Серафим объяснил: происходит это потому, что люди, привезшие консервы, имеют большие грехи – и велел выкинуть все банки в речку! «А за них, – сказал он про гостей, – бороться надо: их бес-то вырывает. Ух, и борьба будет с бесом! А их надо потихоньку привлекать», – ни единую душу, которую можно было бы спасти, батюшка не оставлял.

Екатерине и Марии отец Серафим дал две иконы и сказал: «Антония и Феодосия – вам, а Воскресшего Спасителя – если откроют Щученскую церковь, то отдайте туда». Откроют ли Щученскую церковь – покажет время.

Как-то батюшка сказал Екатерине в назидание: «Катя, кто из ящика (из этого Божиего дома!) возьмет рубль: ад стонет – ждет этого человека!» Она испугалась: «Батюшка, помолись! Помилуй, Господи! Сохрани, Господи, от такого искушения, чтоб из церкви своровать!» 30 лет она проработала в храме и не взяла ни копейки ни до, ни после этого случая.

У батюшки служила чтица, которую звали так же, как и сестру, про которую рассказано выше – Екатерина. Была она полуслепая, косая, больная, но читала очень хорошо. Вдруг за ней стали замечать, что она ходит в сельсовет – думали, докладывает. При жизни ее батюшка не обличал, но когда она умерла, сказал: «А Катя-то наша у самого сатаны на коленях сидит!» – ему все было открыто.

Одна раба Божия была чадом отца Серафима, но другой священник стал «перетягивать» ее к себе, предлагал быть своей келейницей. Отец Серафим, узнав об этом, сказал ей: «Когда ты умрешь и придешь на суд, на том свете будут спрашивать: "Чья это пришла сюда?" И ответят: "Ничейная"». Но она, к сожалению, не послушала батюшку.

Однажды приехала за отцом Серафимом на телеге раба Божия Анна – везти его к себе на требу. Едут они мимо одной хаты, а возле нее сидит девушка. Батюшка Анне говорит: «Нюр, смотри: монашка сидит». Та в ответ: «Какая монашка?! Разнаряженная да учится!» Батюшка ей: «Ну, вот посмотришь!»... Много лет спустя эта девушка и вправду стала монахиней. О том, что ее ожидает постриг, отец Серафим ей как-то предсказал. Пришла она к родственникам, а у них в то время обедал батюшка. Девушка тоже потихоньку присела за стол. Вдруг лицо батюшки преобразилось, от него пошли лучи, глаза засверкали, и он заговорил, указывая рукой в ее сторону: «Что загорилась? Не горься – Матерь Божия тебя не оставит, утешит...», – тут одна из матушек что-то сказала, не зная, видимо, что нельзя перебивать старцев. Батюшка замолчал и стал кушать. Потом все повторилось, он снова заговорил: «...Не горься – ты будешь монахиней. Да великой». Девушка подумала: «Какая из меня великая монахиня?» Она сидела без косынки и в платье с коротким рукавом. Но впоследствии в постриге ей было дано имя Антония Великого.

Стала она приезжать в Ячейку к батюшке. У него была послушница Маша, которая умела вязать четки. Батюшка как-то говорит: «Мария, научи ее четочки вязать. А ты садись и за вязаньем читай Иисусову молитву. Пока узелочек свяжешь, раз 15 молитву скажешь». Девушка в ответ: «Да что Вы, батюшка, я и больше скажу – я ж медленно буду!» Матушки потом сказали ей: «Надо было не так, а «батюшка, благословите, помолитесь»».

У этой матушки Антонии отец Серафим как-то спросил:

– Вот видишь стакан с водой: если бросить туда пшено, будет видно?

– Да, – ответила она.

– Так вот и я вижу сердце человека, и что в сердце, – сказал батюшка. Почти то же самое он говорил и схимонахине Евстратии.

Мать Антония в молодости писала стихи. Батюшка одобрял: «Пиши-пиши! И везде ходи с карандашом и бумажкой. Если по дороге сочинишь – останавливайся и записывай, если перед сном – вставай с кровати и пиши. А больше пиши из Евангелия». А потом спрашивает, как бы между прочим: «...А ты житие-то еще не пишешь?» Она не поняла. А много лет спустя после смерти батюшки стала записывать в отдельную тетрадь случаи из его жизни, свидетельницей которых была она сама или кто-либо из батюшкиных чад.

(Продолжение следует)

Из писем схимонаха Митрофана

Дух Твой Благий наставит мя на землю праву!

Какая радость, какая утеха коснулась нашего оледеневшего сердца в эти торжественные минуты и в радостный день Сошествия Святаго Духа. Дорогие мои родные, не приходите в уныние и не падайте духом, что благодать Святаго Духа коснулась и почила на одних Апостолах. Нет, в этот благоприятный день она и всех верующих не оставила, а коснулась каждого из нас по силам дара Благодати. Так что, дорогие мои чада, кто и где не пребывал, на каких послушаниях, никого не оставила без утешения. Не скорбите, что ваше послушание не дало возможности присутствовать и участвовать в Сионской Горнице. При присутствии всех верующих в этом торжественном собрании и при ожидании обещанного Господом ниспослания утешения оскорбленным ученикам получили и вы невидимого явления Огненного Языка в своей уединенной горнице послушания.

Я надеюсь, что желанный и возлюбленный вами Небесный Жених не лишит и Своих невест, жаждавших Его утешения.. И вы, дорогие мои залетные пташки, не скорбите, что вы лишены всего этого. Нет, ваша убогая дежурка, она тоже ведет вас к лучшему благоустройству, в ней вы можете научиться скорому уединенному Богомыслию, где скоро приобретается это великое благо для ваших угнетенных сердец. Ведь неложно сказано Господом: в терпении вашем стяжите души ваши, то есть избавление.

Призываю на вас и на всех ваших родных Божие благословение и утешение Небесного Царя, в день скорби призовите Его. Ксюша, за всё от души благодарю, за глубокое внимание и за дорогие гостинцы, не безпокойся, я за всё доволен и благодарю, не сокрушайся о гостинцах, вы для меня сами гостинцы за любовь вашу ко Господу.

Простите за всё. Недост. С(ерафим).

Немного о детской грубости

Продолжаем публиковать избранные главы из книги Татьяны Львовны Шишовой «Чтобы ребенок не был трудным».

Немного о детской грубости

Подростки и молодежь стали гораздо грубее. Чтобы это заметить, не нужно проводить научные исследования. Достаточно просто выйти на улицу и прислушаться к тому, о чем и, главное, как разговаривают между собой парни и девушки. Лет двадцать назад даже самая отъявленная дворовая шпана обычно не ругалась при женщинах. А если у кого-то по привычке слетало с языка матерное слово, дружки, форся перед девушкой, принимались стыдить своего несдержанного приятеля. Да что там двадцать лет назад! Перечитайте «Педагогическую поэму» Антона Семеновича Макаренко, ту часть, где он рассказывает о первых, самых трудных месяцах приручения бывших безпризорников, когда они пытались устроить из трудовой колонии воровскую «малину». На что под большим секретом нажаловались Макаренко девочки? Что их так шокировало? Они прошли огонь, воду и медные трубы, видели столько страшного, голодали, холодали, остались сиротами. Казалось бы, им уже все должно быть как слону дробина. И, тем не менее, девочки не могли пережить, что мальчишки при них... матерились. Бедняжки не знали, куда деваться от стыда. Я думаю, большинство людей сейчас сочтет это выдумкой, досужим вымыслом автора. А ведь так действительно было, хотя и не верится.

Брань – позывные ада

Помните сказку про прилежную падчерицу и ленивую дочку? Она существует в разных вариантах, но сюжет примерно одинаков. Мачеха выгоняет падчерицу из дому, девушка попадает к волшебнику или волшебнице и вознаграждается за свое смирение и трудолюбие. В частности, тем, что стоит ей произнести слово, как изо рта ее выпадает роза, золотая монета или драгоценный камень – в общем, нечто драгоценное. Ленивица же, которая только и знает, что бранится, бывает наказана. Из ее рта начинают сыпаться лягушки, жабы, змеи – короче, «гады ползучие», спутники ведьм и колдунов, существа из преисподней.

То есть брань ассоциировалась у наших предков ни больше, ни меньше с адом! И в этом нет ничего удивительного, ведь Бог у нас, христиан – это Слово. Стало быть, плохие слова, ругательства оскорбляют не только того, кому они предназначены, но и Самого Бога. Это хула на Духа Святаго, страшное кощунство, которое не простится человеку никогда. Вот почему девочки, описанные у Макаренко, так остро реагировали на сквернословие мальчишек. Хотя в 20-х годах, после революции, религиозные нормы жизни сильно пошатнулись, многое еще было цело. Но если понимание смысла традиций утрачивается, они лишаются своего фундамента и с каждым поколением ослабевают все больше.

Мат – это путь к свободе?

А может, в этом нет ничего страшного? Меняются времена, меняются нравы. Может, пусть дети ругаются? В конце концов, мало ли какое поведение считалось раньше неприличным, а теперь так ведут себя даже академики и крупные политические деятели (например, держат руки в карманах, выступая перед залом). Я не шучу и не утрирую. Больше того, когда в 1960–1970-е годы в Америке и Европе психологи и педагоги начали ратовать за «свободную педагогику», они отстаивали право детей ругаться, считая это одним из проявлений истинной свободы.

Старания либералов увенчались успехом. «Теперь существует языковая свобода, ведь дети могут говорить родителям и при родителях грубые слова», – пишет психолог Франсуаза Дольто в книге «На стороне ребенка».

Результат очевиден. Включите телевизор и посмотрите любой западный сериал про подростков. Думаю, вам хватит и пяти минут, чтобы убедиться в том, какие слова не сходят у них с языка.

Так что «прогресс» в данном вопросе налицо не только у нас в России.

Теперь насчет того, страшно это или не страшно. Попробуйте мысленно описать внутреннее состояние человека в тот момент, когда он ругается, грубит. Что вскипает в его душе? Уж, наверное, не нежность и умиление. К ним и глагол-то «вскипает» неприменим. Вскипают обычно бурные эмоции. В данном случае – отрицательные. Ведь, согласитесь, трудно себе представить, что человек в здравом уме и твердой памяти будет на радостях гру-

бить и ругаться. Это делают, выплескивая раздражение.

То есть, основное чувство, владеющее грубым человеком, – это агрессия, злоба.

Чувство очень разрушительное для психики. Если оно становится преобладающим, может развиться психическая болезнь.

Кроме того, когда в человеке бурлят злоба и раздражение, ему ужасно неуютно. Он в буквальном смысле слова не находит себе места: вскакивает, мечется из угла в угол, может что-нибудь швырнуть, хлопает дверьми. Потом, когда острота момента спадет, он испытывает усталость, апатию, угрызения совести, отгораживаясь от которых, старается найти оправдание своей несдержанности и распаляется вновь.

Детям же приходится еще тяжелее, поскольку психика у них от природы менее устойчивая, чем у взрослых, и защитные механизмы пока слабы.

Никогда не забуду четырехлетнего мальчика, который, стоило ему чуть растормозиться, начинал жутко сквернословить. Вот у кого действительно изо рта сыпались лягушки! Он ругался неистово, яростно, безсмысленно, не помня себя. И никак не мог остановиться. Это было натуральное беснование.

Так что соблюдение правил вежливости важно не только с этической точки зрения, но и с медицинской. Чем больше я вижу «трудных» детей и взрослых, тем больше во мне крепнет убеждение, что нравственность вообще очень полезна для здоровья.

Почему дети ругаются?

Рано или поздно, обычно лет в пять-шесть, каждый ребенок приносит домой выражения, шокирующие взрослых. И это неудивительно, ведь малыш начинает проводить часть времени вне семьи: в детском саду, в студиях, в гостях у приятелей. А там он бывает подвержен разным влияниям. Старший дошкольный возраст – время очень активного усвоения моделей поведения, принятых в обществе. В среднем дети достаточно быстро понимают, какие слова можно произносить в приличном обществе, а какие – нет.

Родители часто спрашивают, нужно ли говорить сыну или дочери, «подхватившим» в саду какое-нибудь нецензурное слово, что это ругательство. Или лучше сделать вид, будто они не слышат, в расчете на то, что ребенок повторит раз-другой новое слово и забудет его. Я думаю, сказать стоит. Во-первых, нет никакой гарантии, что ребенок забудет ругательства. Даже если они на какое-то время выпадут из его лексикона, он может их вспомнить в самый неподходящий момент, и тогда случится конфуз. А во-вторых, откуда он узнает, что это нехорошие слова и произносить их нельзя? А если он узнает это не от вас, а от посторонних людей, как вы будете выглядеть в его глазах? Он же решит, что раз вы его не останавливали, значит, вам такие слова нравятся. Дети ведь не вдаются в тонкости взрослой психологии.

Конечно, ругать малыша не следует, равно как и объяснять ему значение матерных слов. Это только привлечет его внимание к запретной теме. Лучше спокойно сказать, что хорошие дети таких слов не произносят, это только хулиганы и глупые малыши ругаются, и их никуда в приличное место поэтому не берут. Умный ребенок обычно понимает все с первого-второго раза, и инцидент бывает исчерпан.

Но порой малыш, невзирая ни на что, упорно продолжает ругаться. О чем свидетельствует такое поведение?

Чаще всего это бывает проявлением демонстративности, когда ребенку хочется выделиться, противопоставить себя окружающим, показаться взрослее и независимее, чем он есть на самом деле. Такие дети рано начинают подражать плохим примерам. К ним как бы липнет все отрицательное.

– Прямо не знаю, что делать, – жаловалась одна мама. – Читаем книжку, Максим слушает вполуха, но как только встретится что-нибудь этакое, слово какое-нибудь не очень хорошее или дразнилка, – хохочет, повторяет. Вчера читали «Сказку о рыбаке и рыбке», так он ничего, по-моему, не запомнил, кроме «дурачина ты, простофиля». И с мультфильмами та же история. А уж если кто-то из детей начнет кривляться – все! Для Максима это будет кумир.

Совладать с демонстративным ребенком нелегко, но вполне возможно. Принцип тут такой: с одной стороны, надо помогать ему нормально самоутвердиться, поскольку демонстративные люди на поверку оказываются очень неуверенными в себе; а с другой – резко отрицательно реагировать на его выкрутасы, в частности на ругательства.

Очень неплохо действует, если бранящегося ребенка легонько ударить по губам. Не больно и хорошо отрезвляет.

Но вообще-то демонстративные дети больше всего не любят, когда их не замечают (или им кажется, что их не замечают). Значит, если ребенок будет сквернословить, его сначала надо предупредить, а коли не подействует, лишить каких-либо благ, связанных

За сраномословие Бог попущает на человека беды, напасти и многие болезни. Сего ради отстанем от злого обычая и послушаем святого апостола Павла: «Всяко слово гнило да не сходит из уст ваших» (Еф. 4, 29), но паче Иисусову молитву воспримем, и вечные муки избавлены будем во веки веков.

Святитель Иоанн Златоуст

с общением (прогулки, поездки, походы в гости, чтения на ночь, совместные игры и т.п.).

Дети, привыкшие к эффективности своих демонстраций, усваивают этот урок не сразу. Скорее всего, потребуется несколько повторений. Главное, не давать слабины и не идти на уступки. Помните, ваше благородство оценено не будет. Демонстративный ребенок просто сделает вывод, что в следующий раз надо еще немножко поднажать.

Ну, а самая тяжелая артиллерия – это бойкот. Если вы видите, что ребенок ругается вам назло, прекратите с ним разговаривать (естественно, объяснив ему причину такого своего поведения).

В жизни же часто получается наоборот. Ребенок говорит плохие слова, желая привлечь к себе внимание, а взрослые притворяются, будто они ничего не замечают и ведут себя с ним как ни в чем не бывало. Тем самым они еще больше его раззадоривают.

Целесообразнее четко определить ситуацию. Пусть ребенок поймет: когда он вежлив, окружающие это ценят и стараются его порадовать. А то часто бывает, что хорошее поведение демонстративного ребенка не бывает положительно подкреплено взрослыми, и тогда у него нет никакого стимула вести себя хорошо.

Когда же он ведет себя плохо, сквернословит, делает назло, взрослым следует показать, что у них пропадает всякое желание иметь с ним дело. То есть два полюса – положительный и отрицательный – должны быть в этом случае разведены демонстративно резко. Гораздо резче, чем с детьми, не отличающимися демонстративностью поведения.

Еще сложнее обстоит дело с возбудимыми и расторможенными детьми вроде того четырехлетнего мальчика, у которого «сыпались изо рта лягушки», с детьми-психопатами и шизофрениками.

Такие дети, войдя в раж, уже не контролируют свои слова и поступки. Конечно, их тоже следует учить сдерживаться, но надо иметь в виду, что они часто НЕ МОГУТ сдержаться. Это не капризы, а болезнь.

Грубость на уровне тона

Начинать бороться с детской грубостью надо на уровне тона, не дожидаясь, пока ребенок начнет обзываться.

Основное поведение закладывается, когда мы позволяем детям говорить с нами властным, требовательным, грубым тоном. Именно на тон надо обращать повышенное внимание, причем с раннего детства. Как бы ребенок ни был обижен, расстроен или взволнован, в его речи нельзя допускать хамских интонаций. Вы же приучаете его с ранних лет следить за гигиеной, тратите на это массу сил и нервов. А психическая гигиена важна ничуть не меньше (если не больше!). У нервного, возбудимого ребенка – а именно у таких детей чаще всего звучат в речи грубые, резкие интонации – и так в душе царит хаос. А тут еще идет постоянная подпитка извне: детское хамство порождает ответные крики, ругань, скандалы. Ребенок постоянно «варится» в этом нервном, психопатическом «бульоне», и его психика все больше разлаживается. Дело может дойти даже до слуховых галлюцинаций.

– В детстве я часто закатывала истерики, – рассказала мне одна молодая женщина. – Мать с отцом не выдерживали и тоже начинали кричать. В такие минуты дома царил сущий бедлам. А потом я вдруг заметила странные вещи. Вечер, меня уложили спать, в доме полная тишина. А мне кажется, будто за дверью ругаются. Слов не разобрать, но такая злоба чувствуется, что у меня мгновенно начинает ломить виски. И деться никуда от этих криков нельзя. Уши заткну – вопли из головы доносятся... Наконец я не выдержала, рассказала маме. Меня долго лечили. Вроде прошло, но даже сейчас иногда возвращается, особенно если я поволнуюсь.

Шизофреничкой при этом женщина не была. Просто ее и без того ранимую психику в детстве травмировали непосильным перевозбуждением.

Если же сын или дочь привыкнут выражать любые свои эмоции, даже недовольство, без грубых, хамских интонаций, то им и обзываться будет потом гораздо труднее. Попробуйте назвать человека дураком, сохраняя при этом спокойный, доброжелательный тон!

Методы борьбы

Когда заводишь разговор о борьбе с грубостью, многим это кажется непосильной задачей. Но затем выясняется, что взрослым труднее всего... самим сохранять спокойствие и не срываться на крик.

– Где ж такие железные нервы взять? – оправдываются они. И оказывается, что в доме вообще принято разговаривать на повышенных тонах, поскольку «все устают», и с ребенком «никакого терпения не хватает».

Но ведь дети – это наше зеркало. Они копируют манеры, привычки, интонации родителей. Так что здесь, как нигде, действует принцип «начни с себя». Иначе борьба обречена на поражение.

Поставьте себе за правило не выполнять детских просьб, выраженных грубым тоном. Предупредите об этом ребенка заранее, а для пущей убедительности сошлитесь на какую-нибудь объективную причину (рекомендация доктора, учительницы, совет, вычитанный в научной книге).

Это придаст вашим словам весомости, ведь, как известно, «нет пророка в своем отечестве». Ну, а затем будьте тверды и сохраняйте самообладание.

Предположим, дочь властно, грубо требует купить ей шоколадку. Спокойно ответьте:

– Я, конечно, могу купить, но ты каким-то странным тоном со мной разговариваешь. Когда люди хотят, чтобы им сделали что-то хорошее, они говорят по-другому. Так что подумай: как надо попросить по-хорошему?

И ни в коем случае не позволяйте втянуть себя в перебранку!

Если это случится, вам будет трудно удержаться от резкости, и тогда начнется торговля: «Ага, тебе можно на меня кричать, а мне нельзя?»

Хотя вообще-то и здесь не надо пасовать. Если уж на то пошло, скажите, что вы как родитель обязаны заботиться о ребенке. В том числе воспитывать его. Лучше, конечно, воспитывать тихо, спокойно.

Диакон Николай Трубчанинов, 1998 год

Крестик

Из воспоминаний диакона Николая Трубчанинова (ныне – иеросхимонаха Амфилохия)

Господь вечен, а «*человек, яко трава дние его, яко цвет сельный, тако оцветет*» (Пс. 102, 15). Всякое тело тленно, но безсмертна душа. Бог хочет всем спастись, каждой душе, и моей тоже. А было так. Еще до армии играл я на баяне. Это как забава. Мама верующая была. Она слезы проливала над тем, что я под великие церковные праздники то на сцене играл, то на свадьбах, и напивался до безумия.

Привезут меня домой – мама опять в плач. Для ее утешения я носил крестик, а дух тайной злобы ненавидит тех, кто при кресте. Когда иду куда-нибудь играть, меня совесть мучает: танцы-то, песни – развратные. И перед игрой я крестик снимал, тайно. Становилось как будто хорошо.

Подошло время войны, сорок первый год. Меня призвали в армию. Я собрался, а мама спрашивает:

– А крестик твой где?

– Зачем он мне? Он мне не нужен.

– Как не нужен? – заплакала она.

Я не послушал маму и ушел без креста на сборный пункт около сельсовета. Стали подходить подводы, нас было много. Приходит мама вместе с крестной моей. И только объявили: «Занимайте места!» – крестная меня схватила, целует, плачет:

– Ты ж мой сыночек, ты ж идешь в гущу, может, раненый будешь или больной... Что я тебе дам? Я же твоя крестная. Вот, возьми крестик.

Тут я не отказался. Крестик аккуратненько был завернут в бумажечку, я и положил его в кошелек.

Повезли нас за границу, в Персию. Окончил там школу младших командиров. Про крестик я и забыл, он мне был не нужен, но на все – воля Божия: ты от Меня отказался, но Я от тебя не отказываюсь, ты же крещеный, ты Мой, и Я тебя не оставлю.

В армии я тоже объявился баянистом. Начались репетиции, со службы отпускали раньше. И вдруг я заболел, мигом. Эта болезнь не только меня посетила, многих. Дня через два меня из палаты на носилках перенесли в изолятор и дали кислородную подушку. Приходит ко мне сослуживец из нашего района, с Никополя.

– Хорошо, – говорю, – что ты пришел, я уже кончаюсь в этой жизни.

Отдаю ему адреса, фотографии. А про крестик забыл. И вдруг из кошелька выпадает бумажный сверточек. Я ни ему – никому не сказал, спрятал его. Попрощались с земляком со слезами. Жить оставалось два-три часа. По другим больным было известно. Когда развернул бумажку и увидел свой крестик, я как закричу:

– Господи, я Тебя оставил, а Ты со мной!

Начал плакать, целовать крестик. Надел на шею и опять целую. И будто слышу голос крестной: «Ты ж больной, обращайся к Нему с верой».

Я прошу:

– Господи, исцели меня! – Соседи смотрят на меня и говорят:

– Уже и этот доходит, конец ему.

А который справа, всех поближе, увидел крестик и объясняет им:

– Друг принес ему какую-то железячку, он целует ее и что-то бормочет.

Со слезами опять кричу:

– Я Тебя оставил, я от Тебя отказался, прости и исцели! Ребята насмехаются:

– Кончается...

А я уснул. Крестик как взял в рот, целуя, так он у меня там и остался. До подушки с кислородом не касаюсь.

Утром просыпаюсь, смотрю, – тех, кто лежал со мной, уже нет, их вынесли... Приходит врач. Нас двое. Сосед мой тоже жив. Может, для свидетельства Господь оставил его.

У меня болезнь прошла, чувствую себя здоровым. Захотелось воды. Ну так хочется пить. А живот у меня был страшный, как большой надутый пузырь. Дали попить. Подошли еще врачи и удивляются: как же так?..

А сосед и говорит:

– У него с вечера был друг и какую-то железячку ему дал. Так он с ней и уснул.

Я поворачиваюсь:

– Не железячка, а крестик. Врачи просят:

– А ну, покажи, какой крестик? Посмотрели – и тоже: это не железячка.

И перевели меня сразу из изолятора в общую палату. Вскоре я укрепился. Мне ж диету назначили, полстаканчика несоленого рисового отвара три раза в день пил. Затем – манная каша. С едой у нас было хорошо.

Когда выздоровел, вернулся в свой полк, снова заступил на службу. А тут прислали к нам нового лейтенанта, молодого. И вот как-то в перерыв слышу:

– Командира первого отделения ко мне!

Я подхожу, по-военному докладываюсь. Он как-то нелюдимо на меня посмотрел – и сразу:

Коля-баянист...
«А танцы-то, песни — развратные»

– Ты что, с крестом?!

– Да, – отвечаю я.

– А ну, покажи!

Я вынул его из-под гимнастерки, а он схватил, я ж не ожидал, и сорвал его. У самого пена со рта, такой страшный сделался.

Я, конечно, безсильный был и только сказал:

– Если крест снят, то зачем мне воевать? Мне нечего защищать.

А тогда сдавались дивизиями, и Сталин издал строгий приказ: за невыполнение приказа командира наказание вплоть до расстрела на месте. Но снятие креста не является же приказом военного значения? И я говорю, что этот приказ не выполню. Он вынул пистолет и хотел выстрелить, но тут ребята за меня заступились. Выхватили у него пистолет:

– Мы сейчас пойдем к начальнику особого отдела и доложим, что ты хотел застрелить нашего товарища!

Так он упал перед ними на колени:

– Не доносите, не доносите...

– А за что ты хотел его пристрелить?

– Я не могу на него смотреть, – отвечает. Оказалось, что он некрещеный. А мне приказывает:

– Иди по начальству и докладывай, что я не допускаю тебя до занятий, так как ты не выполнил моего приказа. Начинай с командира взвода.

Я надел крестик и пошел. Беру свою винтовку, так как она за мной числится. А он кричит:

– Ты не имеешь права брать оружие!

Ну и ладно. Прихожу в военный городок и пошел по инстанциям. Говорю всем:

– Любой приказ военного значения выполню, а этот не буду.

В ответ слышу:

– Да что с ним нянькаться, за угол завести и шлепнуть.

Под вечер попадаю к начальнику особого отдела. Говорил он со мной ласково:

– Ну, что вы не поделили?

– Как что? Он сорвал с меня крестик и не допустил до занятий.

– Надо было его снять, а потом обжаловать.

– Если б я снял, тогда самому на себя жаловаться?

– Оружие на него поднимали?

– Я взял винтовку как личное оружие, а когда он сказал, что я не имею права, я и бросил.

– Почему бросил?

– А мне нечего защищать, раз крест снят. Вы слышали, как наш Патриарх призывал всех на защиту нашего Отечества? С молитвами и крестом. Это же наше оружие.

– Ну, хорошо. Вы знаете, что мы находимся за границей? И такой конфликт... Мы даже не знаем, а за нами следят. Вот что, решим так: что командир полка скажет, так и будет.

Прихожу в последнюю инстанцию. Весь командный состав в сборе. Ожидают меня.

– Какой был приказ? – спрашивает полковник.

– Крестик снять.

– А ты что, крестик носишь?

– Да.

– А ну, покажи.

Вынимаю, показываю. Крестик такой блестящий.

– Он что, золотой?

– Нет.

Полковник поворачивается к командирам:

– Первый раз вижу крестик.

Меня сразу толкнуло: и этот некрещеный.

– Ты знаешь, куда ты призван?! Ты призван в ряды Советской Армии. Кто здесь с крестом? Никого. Какое мы можем оказать тебе доверие, когда ты с крестом?

– Я лежал в изоляторе, оставались часы. Сами знаете, сколько поумирало. А я получил от крестика исцеление.

– Как так ты его получил?!

– Я до кислородной подушки не касался, а во рту у меня был крестик. Это – наша защита и наше оружие. И если снять крест, то за что мне воевать?

– Как ты смеешь так говорить? Что ты здесь мелешь?! – закричал командир полка. – Приказываю крест снять!

Приказа этого я не выполняю.

Он еще раз повторяет, с угрозой.

– Любой давайте приказ военного действия – пойду! А этого не выполняю.

Тут откуда-то взялись солдаты. Сорвали с меня погоны, звездочки.

– Десять суток строгого! – объявил командир полка. – Будешь получать двести граммов хлеба и кружку воды. В сутки. Узнаешь, как тебе крест поможет.

И меня повели. Один солдат впереди, двое сзади. Когда вывели из штаба, хотел оглянуться и натыкаюсь на штыки: «Не оборачиваться!»

Завели меня в камеру, закрыли. Там песок мокрый. Здесь же и оправляются. Темнота, ни одного окошка. Ляжешь на песок, а он холодный. Разные мысли пошли... «Видишь, как повел ты себя нехорошо. Надо было выполнить приказ». И думаю, что если бы мне сейчас предложили снять крестик, я бы его снял.

Проходит суток пять. Я света не вижу, не знаю, ночь или день. В окошечко в двери подадут ломтик хлеба и воды кружку. Перед этим спрашивают: «Ты там еще жив?»

На шестые, может, сутки, открывают дверь, выводят, свет как ударит в глаза, я слезами залился. И шатаюсь от голода.

– Ну так что? – спрашивает командир полка. – Снимешь крест?

И откуда у меня силы взялись?

– Нет, – говорю.

Сам удивился. Такие были прежде мысли и вдруг – другое.

Когда меня вынесли из камеры через десять суток, тут была отправка на фронт. Комиссия за ко-

миссией. Я никак не попадаю. Слышим по радио: наши войска форсировали Днепр. Вспомнил слова полковника: «Жаль, что ваша местность оккупирована. Мы б такое матери письмо написали, чтобы она порадовалась, как она тебя воспитала».

20 мая 1944 года всем делали уколы. Раньше было так: посмотрят на меня и скажут: «Тебе не надо». И вот подхожу я к комиссии и говорю, что с сорок первого года мне не назначали ни одного укола. «Это было тогда, сейчас другое», – отвечает врач. А кто сопротивлялся, того хватали два солдата, держали и укол под лопатку все равно делали. Ну, надо, так надо. А наутро после укола у меня ноги отнялись. Я просился на фронт, со своими ребятами. Свыклись же. Врач злится:

– Мы что, в гости едем? Везти тебя на мясо, готового? Я напишу тебе направление на стационарное лечение. Поедешь на месяц домой.

Мне дали отсрочку на полгода, а после и совсем комиссовали. Так прошла моя служба. И все было по милосердию Божию. Не напрасно Господь говорит: *«Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать, ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас»* (Мф. 10, 19-20). У меня так и было. Господь посылает нам Свои милости для вразумления, чтоб мы не сомневались в том, что Он нас не оставил.

Когда меня от службы освободили, я опять пошел на баяне играть. Как какой праздник – приходят, просят, а я уже в церковь хожу. И у меня мысль: «Боже, что мне делать? Я и туда, и сюда. Должен решаться на что-то одно».

И вот снится мне ночью... Семь человек осталось нас от всей части. Снова на фронт. Нас сажают не в вагоны, а на паровоз – «кукушку». Я вцепился в ручку, а линия такая шаткая, ну так мотает, что паровоз вот-вот упадет. Буду, думаю, держаться до конца, хоть с паровозом упаду. Привозят нас, показывают: «Вот домик, вы там получите все новое». Заходим. В нем такая чистота – я такой нигде и не видел. В углу кто-то сидит на стуле. Смотрю, а у него волос меняется, становится все более седым. Я и говорю:

– Какой же ты воин? Тебе только сказали идти на фронт, а ты уже седеешь. А там что ты будешь делать?

И вдруг его голова покрылась сиянием. Сияющая стала голова. Я падаю на колени и к нему:

– Прости меня ради Христа! Господь на тебе такое чудо показывает, а я оскорбляю.

Только хотел его обнять, как сразу и проснулся. Вскоре снова уснул и вижу другой сон... Гляжу на святой уголочек, где у нас иконы. И вот идет ко мне от иконы Матерь

«Если снять крест, то за что мне воевать?»

Божия, вся в сиянии! Нет такого света в мире, чтобы все просветил, и без теней. И нет ни одного предмета, чтобы им не просветился. Свет ярче солнечных лучей, а на глаза не влияет. Даже влечет. Я как закричу:

– Честнейшая Херувим и славнейшая без сравнения Серафим!

И мысль – больше я в клуб не пойду и на баяне играть не буду. Только в церковь буду ходить. Своим криком я разбудил маму, жену старшего брата. Они ко мне: «Что с тобой?» Мама шарит у печки, ищет спички, а я думаю: «Зачем, они что, света не видят?»

А сам заливаюсь слезами и твержу лишь одно:

– Честнейшая Херувим и славнейшая без сравнения Серафим!

Очнулся я и плачу. Как гляну на икону и думаю: это же живой образ. И такая на душе благодать. Меня спрашивают: что ты плачешь? А я не могу сказать.

Прихожу в церковь, стал так в уголочек за стеночкой, чтобы меня меньше было видно. Выходит батюшка после окончания службы и начинает проповедь...

– Какие, – говорит, – мы счастливые. Вот взять земную нашу жизнь. Богатые люди имеют и нянечек, и слуг. Как они своих детей лелеют! А бедные – хоть у них и есть дети, но они ж не могут им такие условия создать. Воспитывают в скромном виде. Но мы счастливы тем, что у нас есть небесные покровители. Вот чем мы счастливы. А то – все преходящее. На бедных Господь смотрит, бедным Господь посылает Свою помощь. А мы спим. А Матерь Божия – недремлющая. Весь мир хранит Своими молитвами. О каждом бдит. Чтобы каждый православный христианин получил то, что уготовал ему Господь. Но это, если мы живем по-христиански. А если мы и туды и сюды, то мы ж ничего не получим. И Матерь Божия ходатайствует. А кто Она? – батюшка повернулся к иконостасу. – Честнейшая Херувим и славнейшая без сравнения Серафим!

Я как заплачу. Он повторил те же слова, что и я во сне. Все оглянулись на меня. Стоял, стоял, и не видно его было, а то – так рыдает. Батюшка взглянул в мою сторону и говорит:

– Вот чем мы счастливы, – и снова к иконе Божией Матери. – Вот Кто за нас умоляет Своего Сына. Спасены мы будем через Нее. Не было бы у нас такой Ходатаицы – и не имели бы мы такого счастья. Счастливы мы тем, что за нас Матерь Божия молится.

Потом я все рассказал батюшке. Он мне:

– Бросай свои игрища, держись одного пути.

Приходили ко мне, просили поиграть, ну так, что берут под руки и уводят. Я говорю: «В клуб не зайду, поиграю возле». А сам думаю: «Какая разница? Что в клубе, что около, танцы-то и песни одни»... И бросил баян совсем. В церкви стал помаленьку прислуживать...

По материалам сборника «НЕ УМРУ, НО ЖИВ БУДУ...»

Христианская поэзия

А МНЕ БЫ ТОЛЬКО ЗАХОТЕТЬ

А мне бы только захотеть,
Восстать и Богу помолиться.
Тропарь ко празднику пропеть,
И в умиленье прослезиться.

Оставить нашу суету —
Куда спешить, к чему стремиться?
И поговеть бы на посту,
Чтобы достойно причаститься.

В душе гордыню подавить,
Добрее стать хоть на немного
И слово каждое ловить,
К нам исходящее от Бога.

Врага как ближнего любить,
За ненавидящих молиться.
Обитель Божью посетить,
В святой источник погрузиться.

Очей сердечных мир открыть,
От спячки нашей пробудиться,
Прославить Бога не забыть,
Взглянуть на мир и удивиться.

Александр Алексеевич, г. Елец

«И ПРИЗОВИ МЯ В ДЕНЬ СКОРБИ СВОЕЯ...» (*Пс. 49, 15*)

Когда беда, как гром небесный,
Врасплох застанет вдруг тебя,
Ты позови сквозь плач и слезы,
Среди отчаянья Меня.

Когда родным чужим ты станешь,
Друзья-иуды предадут тебя,
Ты им не мсти, неверным в малом,
А только позови Меня.

Когда болезнь, терзая тело,
К постели прикует тебя,
Ты не ропщи — терпи смиренно
И тихо позови Меня.

Когда и жизнь невыносимой,
Ненужной станет для тебя,
Ты не спеши сводить с ней счеты,
А только позови Меня.

И Я приду к тебе на помощь
И заменю тебе друзей,
Твои страданья облегчу Я
И стану матери родней.

Утешу и верну желанье к жизни,
И защищу от бед тебя.
Ты только знай, что Я все вижу
И жду, когда ты позовешь Меня.

Иеромонах Стефан (Киселев)

ТРОИЦА

Их Три, но все ж Они — едино.
Неизреченно возлюбя,
Отец рождает вечно Сына,
Изводит Духа из Себя.
Всего Себя Отец родимый
Им безгранично отдает,
А Сын в ответ Отцом живет,
И дух Святой, неотделимый
От Отчей Жизни, ей наполнен.
Не для Себя Они живут,
Любовью Каждый преисполнен,
И всё Друг Другу отдают,
И жизнь Саму, и нераздельны.
Они поэтому, и цельно
Их Существо, и жизнь — одна
У всех Троих. Она полна
Всем преизбытком безконечным —
Любви и Славы, Доброты,
Неизреченной Красоты,
Святой Гармонией предвечной.
Отец и Сын и Дух стоят
У входа в сердце и стучат,
Быть может, Бога впустим мы,
И двери замкнутых сердец
Откроем ближнему. И вдруг
Преобразится все вокруг,
И Трех Сиянье наконец
В нас воцарится вместо тьмы,
Согреет нас своим теплом,
И будет в помыслах светло.
И в сердце гордости стена
Вдруг упадет, и будет там
Для Троицы столь чистый храм,
Чтоб вечно обитала в нем Она.

Иеродиакон Гавриил (Мельников)

Вы верите?

Случилось несчастье – глаза старого проповедника перестали видеть. Но тот не огорчился – Бог дал, Бог взял. Духовный взор его был вдвойне ясен и прозорлив. Открывал ему Господь неведомые тайны человеческой души, тайны Богопознания. Сердце его горело святой любовью к Тому, Кто пожертвовал Собою для спасения людей.

Помогли добрые люди найти старцу поводыря – мальчишку-безпризорника. Изрядным он был врунишкой и вором, но сельчане думали: «Авось, под влиянием святого исправится». Старец же и этому парнишке обрадовался и продолжал свой нелегкий труд. Приводил его мальчик к народу, и старец начинал свою проповедь. А народу стекалось много, собирались полные площади, светлые лесные поляны. В это время отрок обычно сидел в стороне, он не понимал своего учителя и часто сердился на него за его длинные, «мудреные» (как он их называл) речи.

И вот как-то раз со скуки решил мальчик пошутить над своим учителем. Привел он его в безлюдную, каменистую местность, где над голыми камнями носился одинокий ветер – даже птицы здесь не летали. Повернул ученик слепого учителя лицом к немым скалам: «Говори! Вот люди пред тобой!» И старец начал проповедь, он учил сердцем, через его уста словно сам Ангел Божий славил Бога. Старик не думал о себе, он желал лишь одного: исполнить до конца данный когда-то очень давно обет Богу.

Старик говорил, а из глаз его катились слезы. Он хотел, он всей душой желал, чтобы люди, которых он представлял перед собой, поверили так же, как верил он сам. А мальчик, сидя за камнем, чуть ли не надрывался от смеха, видя, как старается его учитель перед бездушными, серыми скалами.

Окончив проповедь, изможденный, усталый, но крепкий духом проповедник, подняв просветленное лицо, как обычно спросил у воображаемого народа:

– Вы верите?

...И скалы ответили ему:

– Да....

МАКЕДОНСКАЯ НАТАЛЬЯ,
г. СТАВРОПОЛЬ

Просьба не использовать альманах в хозяйственных целях

Просим имеющих возможность оказать благотворительную финансовую помощь на издание альманаха «Задонский паломник». Деньги высылать на адрес монастыря с пометкой: «На издание "Задонского паломника"».

Желающим можем высылать альманах «Задонский паломник» по почте. Для этого просим присылать свои заявки на адрес монастыря с пометкой: «Для "Задонского паломника"».

При перепечатке ссылка на "Задонский паломник" обязательна

399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14,
Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, тел. 2-49-55
выходит с 2000 г. *Тираж 990 экз.*

В какой мере собираешь ты ум свой к исканию Господа, в такой и в еще большей мере понуждается Он собственным Своим благоутробием прийти к тебе и упокоить тебя.

Преподобный Макарий Великий